

**ДЖЕБРАН
ХАЛИЛЬ
ДЖЕБРАН**

**ИИСУС
ХРИСТОС –
СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ**

Джебран Халиль Джебран
Литагент «Алгоритм»
Иисус Христос – Сын Человеческий
Серия «Биография пророка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180643

Джебран Халиль Джебран. Иисус Христос – Сын Человеческий: Афина; Москва; 2016
ISBN 978-5-906789-83-9

Аннотация

В 1928 году в США было создано одно из самых загадочных и необычных произведений об Иисусе. Написал его ливанец, поэт, художник и философ Халиль Джебран. Восток взглянул в глаза Западу, страстность христианства отразилась в поэтическом слогe арабских традиций. «Иисус Христос – Сын Человеческий» – свидетельство веры, прозрения и любви.

Ценность взгляда автора на Иисуса – не в обожествлении Назаретянина, как это обычно делают религиозные писатели, но в исследовании его Пути и Учения на начале человеческого. Джебран своим трудом подводит нас к мысли о том, что Путь Христа возможен для человека.

Содержание

От издательства	5
Иисус Христос – Сын Человеческий	7
Прелюдия. Слезы поэта	7
Свидетельские показания Иакова, сына Зеведея	8
Свидетельские показания Анны, матери Марии	11
Свидетельские показания Асафа, оратора Тирского	14
Свидетельские показания Марии Магдалины	16
Свидетельские показания грека Филимона	18
Свидетельские показания Симона, прозываемого Петром	19
Свидетельские показания первосвященника Каиафы	22
Свидетельские показания Иоанны, жены Ирода Прислужника	23
Свидетельские показания Рафки	24
Свидетельские показания философа-перса из Дамаска	26
Свидетельские показания Давида, одного из его последователей	27
Свидетельские показания Луки	28
Свидетельские показания Матфея	29
Свидетельские показания Иоанна, сына Зеведея	31
Свидетельские показания молодого священнослужителя из Капернаума	33
Свидетельские показания богатого левита, жившего по соседству с Назаретом	34
Свидетельские показания пастуха из Южного Ливана	35
Свидетельские показания Иоанна Крестителя	36
Свидетельские показания Иосифа Аримафейского	37
Свидетельские показания Нафанаила	39
Свидетельские показания Сабы Антиохийской	40
Свидетельские показания Саломеи, женщины-подруги	42
Свидетельские показания Рахили, ученицы Иисуса	45
Свидетельские показания Клеопы	47
Свидетельские показания Наамана из Гадара, друга Стефана	48
Свидетельские показания Фомы	49
Свидетельские показания верховного безумца – Разума	50
Свидетельские показания Одной из Марий	51
Свидетельские показания Руманоса, поэта-грека	52
Свидетельские показания Левита, последователя	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джебран Халиль Джебран Иисус Христос – Сын Человеческий

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

От издательства

Джебран Халиль Джебран – это особое имя в истории арабской литературы и философской мысли XX века. Ливано-американский, что само по себе примечательное сочетание, философский эссеист, романист, мистический поэт и художник известен всему миру, издается на многих языках и является самым читаемым арабским писателем и на Западе, и на Востоке.

Творчество Джебрана – синтез культур Востока и Запада. Может ли такое быть? Многие пытались, но не у многих это вылилось в органически прорастающее мировоззрение. Что способствовало тому: ливанская христианская семья или американские приключения, или европейская литература и живопись?.. Возможно, намек на ответ можно найти в биографии.

Халиль Джебран родился 6 января 1883 года в небольшом горном селении на севере современного Ливана. В семье были еще старший брат Питер и две младшие сестры. Жизнь, полная спартанской бедности, не позволила в детстве получить хорошее образование. Обучение Халиля ограничивалось посещением местного священника, преподававшего языки, Библию и естествознание. Что само по себе – свидетельство противоречий, сопровождавших Джебрана по жизни. Священник, преподающий естествознание. Страна, где христианство и ислам сталкиваются постоянно. Мальчик рос в христианской среде и часто оказывался свидетелем розни между христианскими и мусульманскими общинами. Впоследствии это отразилось на его устойчивой позиции, которую некоторые имеют языческой, а другие человеческой.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, мать Джебрана Камила в поисках лучшей жизни решила перебраться в Америку. Уже в Бостоне он поступил в учреждение милосердия для детей иммигрантов. Обучение давалось Джебрану с трудом, сказывалось незнание английского. Однако сразу были замечены его способности в изобразительном искусстве.

Скоро молодой Халиль Джебран увлекся мифологией, историей. Запад захватывал его своей свободной культурой: театры и галереи, литературные собрания. Здесь он усваивал новые эстетические взгляды, задавался новыми вопросами мировоззрения.

Джебран начал рисовать эскизы для обложек книг и журналов. И вскоре нашедшая его на этом поприще широкая известность стала даже мешать учебе. В 1898 году он уезжает на родину в Ливан, чтобы завершить образование, в особенности изучение языков – арабского, сирийского, английского.

В Бейруте он поступил в школу «Мадрасат Аль-Хикма» – «школу мудрости» – для изучения религиозных текстов и религиозной истории. Продолжая по заказу рисовать эскизы к книгам, юноша занимался иллюстрациями для журнала, изучал французский язык, увлекался французской романтической литературой, знакомился с творчеством арабских просветителей.

В 1902 году Джебран заканчивает школу. В это же время начинается полоса несчастий. Он узнает о болезнях его родных в Америке: о начальной стадии рака у матери, о кишечном заболевании сестры. Халиль спешит обратно в Америку. Совсем скоро приходят беды одна за другой: скоропостижно скончалась сестра Джебрана, брат Питер заболел смертельной болезнью, и в это же время покинула мир его мать. Молодой человек остался один, без родных, в чужой стране. Возможно, именно этот надлом потребовал дополнительного творческого русла, и примерно в это время он кроме рисования начинает заниматься писательством, вначале на арабском языке.

В 1904 году в Нью-Йорке были опубликованы его первые книги: «Видение», «Огненные буквы», «Жизнь любви», «Музыка». Вскоре друзья помогают Джебрану организовать и

открыть выставку его художественных работ, которая имела огромный успех. Именно там он познакомился с директором одной из бостонских гимназий Мэри Элизабет Хаскелл. Дружба с этой образованной и глубокой женщиной во многом определила его взгляды как литератора и как человека.

В нью-йоркском еженедельнике «Аль-Мухаджир» печатались поэмы, рассказы и эссе Джебрана на арабском языке из сборника «Слезы и улыбки». На арабском он издает книгу «Нимфы долины», а затем и «Духовный мятеж», обличающий социальную несправедливость в Ливане XIX века и засилье религиозного догматизма.

В 1908 году Джебран отправился в Париж для совершенствования в живописи и прожил там около двух лет. Он был очарован атмосферой Парижа – культурного и интеллектуального центра Европы начала XX века. Занятия в Академии изящных искусств, уроки живописи, самоисследования, поиск собственного стиля в живописи и литературе... Джебран познакомился с замечательнейшими деятелями искусства той поры – Роденом, Дебюсси, Метерлинком, Ростаном. Его знакомство с Огюстом Роденом переросло в настоящую крепкую дружбу, дружбу на всю жизнь. В Париже началась работа над большим романом «Сломанные крылья», тут же издана на французском новелла «Марта из Бана».

С 1910 года Джебран окончательно поселяется в Нью-Йорке. Он арендовал студию в центре города, где прожил всю оставшуюся жизнь – до 1931 года. Продолжается работа над романом «Сломанные крылья», который будет закончен в 1912 году. Это самое большое произведение из его арабских романов. Джебран пишет книги, приносящие ему мировую славу.

В 1918 году Джебран сказал Мэри о том, что начинает работу над новой книгой «о человеке из острова» – это были первые наработки его самой знаменитой книги «Пророк». Известность Джебрана становится все шире, его начинают сравнивать с Рабиндранатом Тагором и Уильямом Блейком.

Появился первый большой сборник произведений «Мятежные души», который на родине писателя в Бейруте был сожжен на главной площади. А все творчество Джебрана в Ливане было объявлено еретическим. Последующие свои работы Джебран пишет уже только на английском. Однако это не уменьшило уверенности автора в своем мессианском предназначении... И через три года вышел в свет знаменитый и проникновенный «Пророк» – своеобразный эпиграф ко всей его жизни.

Теперь все свои силы писатель отдает своему самому объемному произведению на английском языке «Иисус, сын Человеческий». Это одно из самых загадочных и необычных произведений Халиля Джебрана. Этому поэтическому свидетельству рождения, жизни и вознесения Мессии, вероятно, сложно дать не только однозначную, но и вообще оценку. При прочтении кажется, что если бы его не написал Джебран, оно должно было родиться из-под руки кого-то другого, но обязательно должно существовать. Однако Джебран выполнил свою миссию.

К 1928 году здоровье Джебрана заметно ухудшается. Он страдает от болей и прибегает к алкоголю. К концу года он заканчивает работу над книгой «Иисус», получает многочисленные положительные отзывы. Однако Джебран впадает в депрессию, глубоко переживая из-за потери, по его мнению, творческих способностей. Врачи обнаружили у него увеличение печени и рекомендовали строгое лечение, но писатель игнорировал их наставления и продолжал работать, выпуская новые книги.

Здоровье Джебрана еще более ухудшилось, и 10 апреля 1931 года он скончался в одной из Нью-Йоркских больниц с диагнозом «рак печени». Джебран был похоронен в родном селении Бшарри, как того и желал. Еще один сын человеческий, о деяниях которого все еще ведутся споры, покинул мир. Но остались его книги. Перед вами одна из них.

Иисус Христос – Сын Человеческий

Прелюдия. Слезы поэта

Сидя на берегу озера у Гластонбери, блуждая взглядом по берегам и вслушиваясь в долетавшие с дороги голоса, я с удивлением заметил, что со мною рядом присел незнакомец, показавшийся мне отчего-то и близким, и родным. Он молчал, просто сидел рядом и смотрел на озеро. Лицо его было серьезно и печально. Я с беспокойством разглядывал его бледность и уже подумывал, а не расправить ли мне крылья, не улететь ли на Авалон, ибо, вполне возможно, присутствие мое мешает размышлениям моего печального чужого друга. Неожиданно он взглянул на меня и сказал мягко: «Подожди еще немного, прежде чем улетать на Авалон».

Я был поражен. Откуда знать ему о том, что Владычица Озера пригласила меня к себе на Авалон? Тонкая улыбка коснулась уст его. «Ты знаешь меня, сын ветров, уже давно знаешь. Читал слова мои, и были они и утешением тебе, и горем страшным одновременно. Ты никогда не понимал, почему желал я умереть столь рано, а что вообще ты понимал?» Я осторожно придвинулся к нему. Огромные глаза под полукружьями темных бровей смотрели на меня испытующе и всепонимающе. И тут неожиданно я понял, кто предо мной предстал. Теплая боль затопила мою душу. «Да, – сказал я. – О сколь часто Ты был мне братом и советчиком». Сын Человеческий опустил глаза к земле. «Я? Советчиком?» – «Да, но отчего же ты сомневаешься в себе?!» – в неподдельном удивлении воскликнул я. «Я до сих пор чужой в мире этом», – сказал он отвергнуто и беспомощно. И, словно бы желая доказать слова сии, его уста произнесли: «Мы – сыновья страдания, сыновья страдания. А страдание есть тень Господа, что в сердце обозленном не нашел себе приюта. Мы – духи страдающие, и мука наша слишком велика, чтоб в сердце малом уголок найти. Большинство людей меня не понимают, но я дарую им все мое сочувствие. Не понимают зова моего, ибо шум дня закрался в уши их, забив их серными пробками равнодушия, и истины моей они не слышат. Меня не слышали даже самые близкие, подвижники, друзья, ученики, а я упивался пением их душ. Мы с тобой, Халиль, поэты, пророки и музыканты. Во имя Бога ткем мы плат нетленный из нитей сердца. Расскажи им правду обо мне, а то устал я, что меж мною и людьми лежит пропасть из слез и крови. Слез поэта и крови пророка. Расскажи им, Халиль, обо мне. Расскажи...»

Свидетельские показания Иакова, сына Зеведея

Люди поделены на племена и роды, принадлежа градам и странам. Я ж чувствую себя чужим, совсем чужим в обществе их многогранном. Вселенная – моя отчизна, и человечество – мое же племя. Слишком слабы люди, и горько мне, что столь разобщены они. Земля же так тесна, что глупо было по царствам, империям и провинциям расчленять ее.

Признание Сына Человеческого

О царствах на земле

Однажды в самом начале года Иисус стоял на базарной площади Иерусалима и беседовал с народом о множестве царств небесных.

Он обвинял книжников и фарисеев в причинах заката родной земли и ошибках страшных; он не просто обвинял, он разоблачал их.

И тут среди толпы появилась компания людишек, защищающих фарисеев и книжников, они осмелились поднять руку на Иисуса и на нас, его товарищей, в том числе.

Но уклонился от ударов он и пошел прочь от них, в направлении северных врат города.

И сказал нам: «Не пришел еще, как видно, час мой. Хотя многие уже, я видел, стояли тихо среди нас, и многие внимали словам моим о судьбе земли нашей».

Тут он изрек с радостью и торжеством: «Мы двинемся в северные земли, начало там всему положим. Идемте же со мной к холмам, ибо зима прошла и снег ливийский сошел уж с долин, горланя песни вместе с ручейками.

Поля и виноградники изгнали сон и пробуждаются навстречу солнца приветствиям, в ответ произнося здравицу инжиром и мягким виноградом».

И он пошел вперед, мы двинулись за ним, как ночь тихонько следует за ясным днем.

И где-то около полудня того же дня добрались мы до вершины горы Ермонской, и тут остановился он, любуясь на раскинувшиеся внизу, на равнине, города.

Лицо его, казалось, сияло златом расплавленным. Он вскинул руку и так сказал нам:

«Прежде чем земля укуется зеленым одеяньем, увидим мы, как реки окаймят свои наряды серебром.

Воистину справедлива земля ко всем, кто справедлив с ней.

Но по ту сторону царства сего все, что вам встретится, подвластно моей лишь воле. И если выбор, желанье ваше на стороне моей, ступайте вслед за мной и правьте со мною вместе.

Мое лицо и ваши лица не должны быть масками прикрыты; наши руки не должны ни меч, ни скипетр держать, мы ж сами любить должны друг друга в мире, и не должно опасности исходить от нас».

Так говорил Иисус, и царствам земным не было дано ослепить меня со всеми городами их под защитой стен и башен; в сердце моем я следовал дорогой Учителя, ведущей в его, и только его, царство.

В этот самый момент шагнул вперед Искарriot Иуда. Подошел к Иисусу и сказал: «Царство земли сей обширно, а города Давида и Соломона должны вновь одолеть Рим. Если ты захочешь царем стать иудейским, мы станем на сторону твою с мечами и щитами, мы победим захватчиков».

Но когда Иисус услышал сие, он навис над Иудой, лицо его исполнилось ярости и гнева. Когда заговорил он, голос его ужасен был, словно гром небесный, и сказал он: «Изыди, сатана. Подумал ты, что я пришел сюда годами править ради суетного дня?

Мой трон есть трон, виденьям твоим подлым недоступный.

Неужто должны живущие пугаться и превозносить одетых в саван?

Царство мое не на этой земле, и место мое не среди родов ваших.

Если вы не ищете спасения в царстве духа, тогда было бы лучше для вас оставить меня здесь и идти вниз в пещеры ваших мертвецов, там коронуют ваши головы в могилах хладных их, и тишина подарит ужас вам подле костей ваших предков.

Посмеете ли искушать меня короною отбросов, коли взор мой Плеяды ищет, или вознамеритесь терниями истыкать?

Кто же ты и что ты, Искарот Иуда? И почему ты искушаешь меня?

Воистину ты оценил меня своею меркой и нашел меня одним из легионеров армии ничтожных.

Ваши священнослужители и император ваш жаждут крови моей. Они обрадуются, как только я уйду отсюда. Я не хочу менять течение жизни. И не хочу я управлять глупцами. Позвольте невеждам воспроизводить самое себя, жалуясь затем на усталость от собственного потомства.

Позвольте слепцам оставаться слепцами в западне.

Мое царство не на сей земле. Мое царство там, где двое или трое из вас живут в любви и в восхищении от прелестной жизни и в доброте, и в памяти обо мне».

Тут он внезапно повернулся к Иуде и сказал: «Лучше ступай за мной, человек. Твое царство должно быть подле меня в моем царстве».

Смеркалось, он развернулся к нам, сказав: «Пойдемте вниз. Ночь уж на пороге. Но да пребудет время света вечно с нами».

И двинулся он прочь с холма, мы ж следовали за ним покорно. Иуда тоже шел вдали. И когда вернулись мы в низину, была уж ночь.

Фома, сын Диофана, сказал Иисусу: «Учитель, темно уж, не можем мы и далее блуждать в потемках. Коли хочешь, отпусти нас к свету той деревни, чтоб могли найти мы пропитанье и приют».

И Иисус Фоме ответил: «Я вел к высотам вас, когда вы были голодны, и я же провел сюда вас на равнину в великом голоде. Идите. Я же не могу остаться с вами этой ночью. Хочу побыть один».

К нему тут двинулся Симон Петр со словами:

«Учитель, не мучайся здесь в одиночку в темноте. Позволь остаться нам с тобою здесь, на обочине дороги. Ночь и тени ночи не желают мешкать, и завтра солнце встретить мы с тобой хотим».

Тут мы столпились вокруг него, не желая и боясь его оставить.

Долго мы стояли так, лица обратив к нему, и зрели одинокое величие его, трогательную отчужденность.

Только один человек из нас не обратился к нему, в его одиночество. Искарот Иуда.

С того дня Иуда сделался угрюм и отчужден. И тень опасности залегла в его глазах.

Говорит Сын Человеческий «Земля совершенства»

Бог, утеравший душу, ты, потерявшийся среди других богов, услышь меня! Добрая богиня Судьбы, что наблюдает за нами, безумный странствующий дух, услышьте меня!

Я пребываю среди совершенной расы, я – самый идеальный – становлюсь абсолютным. Я, человек хаоса, смута перепутавшихся элементов, я странствую среди совершенных

земель – народами собранных законов и целомудренных приказов, что вместе были набраны, что грезами и снами в порядок были приведены, что в список внесены виденьями больными и ими же записаны. Их добродетель, о Бог, была чрезмерна, их грехи были оценены по достоинству, и даже бесчисленные вещи, что пробрались в тусклые сумерки ни-греха-ни-добродетели, были здесь записаны.

Здесь дни и ночи были поделены по сезонам руководством и управлялись правительством безупречной аккуратности.

Еда, питье, сон, покрывала, скрывающие наготу, и в те уж времена утомляли. Работа, игры, пение, танцы и тому подобное подлежали тишине, когда раздавался бой часов. Мыслили и осязали сходным образом, и прекращали мыслить и осязать, когда уверенная звезда поднималась над молодым горизонтом.

Грабили соседей с улыбками, подносили яд с грациозным взмахом руки, восхваляли осторожность, обвиняли осторожных, разрушали душу словом, обжигали тело дыханием, а затем умывали руки, когда деянья дней исполнялись.

Любили в соответствии с приказами большинства, развлекались сами с собой в заранее предписанной манере поведения, поклонялись богам приличий, интриговали ловчее дьявола, – а затем забывали обо всем, как будто память была мертва.

Выдумывали мотивы, презирали с предупредительностью, были сладостно счастливы, страдали благородно, – а затем опорожняли чаши, чтобы назавтра вновь суметь наполнить их до краев кровью.

Все здешние мысли, о Боже, были задуманы с предусмотрительностью сатаны, рождались с решительностью, вынынчивались с требовательностью, управлялись по правилам, направлялись доводами, а затем убивались и уничтожались в полном соответствии с предписанными методами. А еще их молчаливо хоронили, положив в могилу вместе с человеческой душой, отмеченной и пронумерованной.

Это – совершенная земля, земля абсолютного превосходства, земля величайших чудес, явленных плодов из сада Бога, сего ведущего мыслителя Вселенной. Но кем же мне придется стать здесь, о Бог, ведь я – зеленое семя неосуществленных страстей, безумная буря, что рыщет в поисках покоя на западе и на востоке, смущающий разум фрагмент пылающей планеты?

Кто я здесь, о Бог, потерявший душу, ты, потерявшийся среди иных богов?

Свидетельские показания Анны, матери Марии

В том городе, где я родился, жили одна женщина и дочь ее, которые странствовали по своим снам. Однажды ночью, когда тишина окутала землю, женщина и ее дочь бродили по снам, пока не встретились в своем мгlisto-укрытом саду.

И мать сказала: «Наконец-то, наконец, противница моя! Ты – та, которая была моей молодостью, что разрушена теперь, ты – та, которая создает свою жизнь на руинах моей собственной! Как бы я хотела суметь убить тебя!».

И дочь заговорила с нею: «О ненавистная женщина, эгоистичная и старая! Та, что стоит между моей свободной душой и мной! Та, что хотела бы заполучить мою жизнь, как эхо своей собственной увядшей жизни! Как я хотела бы увидеть тебя мертвой!».

В этот момент раздался крик петуха, и обе женщины проснулись. Мать спросила нежно: «Это ты, дорогая?». А дочь ответила не менее нежно: «Да, моя любимая мамочка».

Признание Сына Человеческого

О рождении Иисуса

Иисус – сын дочери моей – родился здесь в Назарете в месяце январе. В ночь, когда родился он, к нам пришли мужи с Востока. Это были персы, что пришли в Израиль с караваном путями чрез Египет. Потому-то не нашли они места на дворе постоялом и обрели приют лишь в нашем доме.

Я поприветствовала их, сказав: «Дочь моя сына принесла сей ночью. Верно, вы меня простите, коли не смогу я прислуживать вам по всем законам гостеприимства».

Тогда меня они поблагодарили за данный им приют. А после ужина сказали мне: «Хотели б взглянуть на новорожденного мы».

Сын Марии был красив тогда, да и она сама тоже была очень миловидной.

И когда персы вошли к Марии и младенцу ее, они подали ей злата и серебра, и мирра, и все положили в ногах ребенка.

Затем пали ниц и начали молиться на странном языке, нам непонятном.

И когда я провела их в спальный этаж, подготовленный для них специально, они в благоговейном страхе обсуждали увиденное ими.

Утром они распрощались с нами и отправились своим путем в Египет.

Но на прощанье подошли они ко мне с такими странными словами: «Ребенок не по дням взрослеть начнет, мы сами видели свет нашего бога в его глазах и улыбку нашего бога на устах его».

Мы просим тебя оберегать его, что сил твоих достанет, и сможет он тогда хранить всех нас».

Сказав так, взобрались они на своих верблюдов, и больше уж мы не видели их никогда.

Теперь Мария, казалось, не столь рада появлению первенца своего, полностью подавленная чудесами и сюрпризами. Она смотрела на своего младенца, затем лицо свое к окошку обращала и всматривалась пристально в небеса, как будто ей являлись там виденья.

А затем вслушивалась в голоса долин.

Ребенок рос телом и душой, он был отличен от других детей. Он был всегда поодаль.

Но был Иисус все равно любим жителями Назарета, и сердцем знала я почему.

Довольно часто он отдавал еду свою прохожим. И раздавал другим детишкам сладости, коими угощала я его.

Он взбирался на деревья в саду моем фруктовым, чтобы набрать фруктов, причем никогда не оставлял их только для себя. Еще он состязался с другими мальчиками в беге и, поскольку был он быстроног, нарочно отставал, чтобы могли другие тоже победить.

И когда я зазывала его спать, Иисус мне говорил: «Скажи же матери моей и остальным, что только тело спит мое. Мой разум остается вместе с тем Разумом, что входит в мою комнату и в мое утро».

И многие люди удивлялись словам его, ведь был он – мальчик юный, но, на взгляд мой, со старой памятью.

И вот теперь мне говорят, что не увижу я его уж больше никогда. Но как могу поверить в то я, что видели они? Я слышу громкую тишину его голоса и его песни в моем доме. И когда бы ни целовала я щеку дочери моей, его аромат вспоминает мое сердце, и кажется мне, его я вижу в объятиях моих.

Но дочь моя не говорит со мной о сыне-первенце. Иногда мне кажется, что стремление мое к нему куда больше, чем ее собственное. Она стоит как нерушимый день, как будто бронзовая она статуя, мое же сердце, расплавившись, течет в потоке боли.

Может быть, она знает то, чего не знаю я. Когда-нибудь она расскажет мне об этом.

Говорит Сын Человеческий «Видение»

С прорвавшейся сквозь заслоны ночью опустился сон на землю. И я пошел дорогой к морю, размышляя: «Море никогда не спит, а потому оно способно бессонную душу утешить».

Когда я выбрался на берег, туман, спустившийся с горы, окрестности в вуаль закутал, подобно лику женщины молодой. Я вглядывался в нервные волны, вслушивался в пение хвалебное и думал о вечной силе, что за всем стоит, – той силе, что бурею спешит, и лаву из вулкана извергает, розами смеется и в ручьях поет. Тут я неожиданно увидел три фигуры, на скале сидящие. Я о них споткнулся, как будто неизвестной силой подкошенный.

В нескольких шагах от них магическая власть эта заставила меня на месте замереть. В момент сей поднялся один из духов и заговорил гласом, что, казалось, звучал из глубин морских:

«Жизнь без любви сравнима с деревом без цвета и плодов. А любовь без красоты подобна цветку без благоуханья или плоду без семени... Жизнь, любовь и красота едины суть; не способны они миру друг без друга являться».

Второй возвысил голос свой, звучащий водопадом: «Жизнь без волнений и страстей подобна году без весны.

А волненье не по праву весне подобно в бесплодной пустыне... Жизнь, волнение, страсти и право едины суть; не способны они миру друг без друга являться».

Голосом, подобным грому, заговорил со мной и третий дух: «Жизнь без свободы сродни плоти без души, а свобода без раздумий подобна духу возмущенному... Жизнь, свобода и мысль едины суть, ибо вечны и непреходящи они. Никогда».

Три духа восстали и заговорили вместе:

«Что пробуждает любовь,
Волненье порождает и
Творит свободу.
Все это божество порядка триединого...
Лишь Бог есть отраженье

Духа во Вселенной.

Шум незримых крыльев пронзил внезапно тишину, и содрогнулись существа эфира.

Закрыв глаза, прислушивался я к словам, уж отзвучавшим. Но как только я оглянулся вокруг, заметил только тумана паутину, что оплела все море. Я приблизился к тем скалам, на которых увидал трех фантомов, но обрел только к небу убегающие облака ладана.

Свидетельские показания Асафа, оратора Тирского

О речах Иисуса

Что должен я сказать о его выступлениях? Возможно, когда-нибудь о нем заговорят, будут передавать его слова, что слышали от него, из уст в уста. Ибо он был обаятелен, и сияние дня окутывало его.

Мужчины и женщины глазели на него куда больше, чем прислушивались к его аргументам. В то время он говорил с беднотой о духе и о том, что дух влияет на тех, кто слушает его. В молодости я слышал ораторов Рима, Афин и Александрии. Молодой Назаретянин был не похож на них на всех.

Они собирали свои слова, очаровывая музыкой слух, но если вы слышали его хотя бы раз, ваше сердце покидало плоть и отправлялось странствовать по землям неведомым.

Он рассказывал всевозможнейшие истории или высказывался иносказательно, и казалось, что истории его и притчи никогда еще никто не слышивал в Сирии. Он казался природы круговращением, вращением времен, годов и поколений.

Он начинал историю словами: «Пахарь шел вперед по полю, разбрасывая семена».

Или: «Когда-то жил-был богатый человек, имевший великое множество виноградников».

Или: «Пастух подсчитывал своих овец и обнаружил, что одной овцы не доставало».

И находил слова, заставлявшие прислушиваться к нему, к их простой сути и к древности их дней.

В сердце все мы пахари, и все мы любим виноградники наши. На пастбище же нашей памяти все мы пастухи и стадо, и потерявшаяся овца.

И нива, коей едва коснулся плуг, и винный пресс, и молотилка.

Он знал источник нашей древней души и упорно пробирался к переплетениям сердец наших.

Греческие и римские ораторы говорят о жизни как о чем-то отвлеченном и кажущемся. Назаретянин говорил об устремлениях сердца.

Они смотрели на жизнь глазами минимизированной свободы. Он смотрел на жизнь в свете вольной воли Бога.

Я часто думаю о том, что говорил он толпе, о том, что человек подобен горе.

В его сознании беднота была чем-то иным, чем для командующих ораторов Афин или Рима.

Он богом не был, он был музыкантом Слова.

Говорит Сын Человеческий «Другой язык»

Я родился три дня назад, и как только меня уложили в шелковую колыбельку, я озираясь с изумленным страхом на новую землю, что со всех сторон окружала меня. Моя мать спросила взмокшую повитуху: «Как там мой сын?».

И повитуха ответила: «Здоровенький мальчик, госпожа. Я накормила его временем; и никогда прежде не видала я столь веселого малютку».

А я негодовал, а я кричал: «Это же неправда, мама: ложе слишком жестко для меня, и молоко, что выпил я, слишком горько для губ моих, и запах груди слишком тошнотворен для ноздрей моих, и я абсолютно несчастлив».

Но мать моя не поняла меня, не поняла и повитуха; мой язык слишком сильно отличался от языка земель, в какие я явился.

И на двенадцатый день моей жизни, когда крестили меня, священнослужитель сказал моей матери: «Вы счастливы должны быть, госпожа, ваш сын родился... христианином».

А я был удивлен, а я кричал священнику: «Тогда твоя мать на небесах должна быть несчастливой, ибо ты не родился христианином».

Но священнослужитель тоже не понял моего языка.

И спустя семь лун в один из дней Облегчитель Боли взглянул на меня и сказал моей матери: «Ваш сын будет царем и величайшим вождем среди людей».

Но я вскричал: «Что за лживые пророчества; я буду музыкантом, и ничто не помешает быть мне музыкантом».

Но язык мой по-прежнему был непонятен – и страх мой возрастал ежесекундно.

И три, и тридцать лет спустя мать моя и священнослужитель делали все (под сенью Бога и духа его), чтобы сбылось пророчество Облегчителя Боли. И однажды встретил я его подле врат Храма. Мы заговорили друг с другом, и заявил он: «Я всегда знал, что ты станешь великим музыкантом Слова. Даже в детские годы твои я пророчил и предсказывал твое будущее».

А я поверил ему, ибо тоже забыл язык иных земель. Мой истинный язык.

Свидетельские показания Марии Магдалины

О первых встречах с Иисусом

Это произошло в месяце июне, когда увидела впервые я его. Он шел по пшеничному полю, я работала вместе со служанками. Он же был один.

Ритм его шагов отличался от ритма походки других людей, а движения тела его казались чуть более непослушными. По крайней мере, ничего подобного я ранее не видала.

Человек сей не шел по земле, как ходят обычные люди. И даже сейчас я не знаю, шел ли он или летел.

Мои служанки показывали на него пальцами и судачили громким шепотом.

А я замерла, убив мои шаги на единое мгновение, и вскинула руку в приветствии ему. Но он не поднял головы и не взглянул на меня. И я возненавидела его. Я сгребла в душе весь мусор, я была холодом, как если б очутилась в центре снежной бури. Я дрожала.

Той ночью он пришел в мой сон; сны мучили меня, я закричала и беспокойно заметаюсь по постели.

В месяце августе я увидела его вновь, прямо под моим окном. Он сидел в тени кипариса по ту сторону моего сада, он был тих, как если б обратился в камень, казался статуей антиохийской или памятником других городов северных земель. И мой раб, египтянин, подошел ко мне со словами: «Этот человек вновь здесь. Он сидит по ту сторону вашего сада».

И я взглянула на него, и душа моя затрепетала, ибо был красив он.

Его тело было одиноко и требовало любви.

Тогда оделась я в дамасские шелка, оставила мой дом и поспешила к нему. Было ли то мое одиночество или его красота, но что-то толкнуло меня к нему. Был ли то голод в моих глазах, что желал утоленья, или его красота зажгла свет в моих глазах? Даже теперь я того не знаю.

Я двинулась к нему в благоухающих одеждах и золотых сандалиях, сандалии те подарил мне римский капитан. И, приблизившись к нему, сказала я: «День добрый тебе!».

И он вдруг отозвался: «День добрый тебе, Мариам».

Он взглянул на меня, глаза его ночи сказали мне то, что не говорил еще ни один мужчина. И внезапно я почувствовала себя обнаженной, хотя была одета.

А ведь он только и сказал, что «День добрый тебе».

И тут я спросила: «Не хочешь войти в мой дом?».

Он вздохнул: «Разве я уже не вошел в дом твой?».

Я не знала тогда, о чем он говорит, зато теперь отлично знаю.

И я сказала: «Не желаешь ли вина испить и отобедать со мною вместе?».

Он улыбнулся: «Да, Мариам, но не сейчас».

«Не сейчас, не сейчас», он сказал: «Не сейчас». И голос озера звучал в тех двух словах, голос ветра и глас деревьев. И когда заговорил со мной он, казалось, заговорила жизнь со смертью. Ибо помни, друг мой, я была мертва. Я была женщиной, что торговала сущностью своей. Я жила отдельно от той души, что зришь теперь ты. Я принадлежала всем мужчинам, слыла блудницей. Они звали меня прелюбодейкой, а женщины – одержимой семью бесами. Меня проклинали, и мне завидовали.

Но когда его шелковые глаза взглянули в глаза мои, все звезды унизали небо моей ночи вновь, и я превратилась в Мариам, только Мариам, женщину земную, познавшую себя и нашедшую душу в новом месте.

И тут я вновь заговорила с ним: «Войди ж в дом мой, и испей вина, и хлеб преломи со мной».

Он же спросил: «Но почему ты просишь меня быть гостем твоим?».

Я отозвалась: «Я умоляю войти тебя в дом мой». И это было все, что пенилось во мне, и все, что понимала я, так то, что небеса призвали меня к нему.

Тут он взглянул в меня, и полдень его глаз скользнул по мне, а он сказал: «Ты много любила, но только я люблю тебя. Другие мужчины любили самих себя в близости с тобой. Я же люблю только тебя в душе твоей. Другие видели красоту в тебе, но красоту своих собственных лет. Я же вижу в тебе красоту твоих дней, красоту незримую и не открытую еще.

Я один люблю незримое в тебе».

И он добавил с любовью в голосе: «Ступай теперь. Мне следует идти путем моим».

Я ж прильнула к нему и сказала: «Учитель, войди в мой дом. Я ладан воскурю для тебя и в чаше серебряной омою ноги твои. Ты – странник и не странник все же. Я умоляю тебя, войди в мой дом».

Тут поднялся он и взглянул на меня, подобно тому как весна властно глядит на поля, и улыбнулся. И повторил вновь: «Все мужчины любили тебя ради себя самих. Я люблю тебя только во имя твое».

И он ушел.

Но никогда другой мужчина не пойдет путем его. То было дуновение ладана в моем саду? Или буря, что разразилась в небесах?

Не знаю я, но день тот закатом солнца глаз его усыпил во мне драконов, я стала женщиной, я стала Мариам, Мариам из Магдалы.

Говорит Сын Человеческий «Первый поцелуй»

Это – первый глоток из бокала, что наполнен жизни нектаром. Означает разрыв он меж неуверенностью, которой заблуждается дух и сердце волнуется, и уверенностью, благодаря которой душа наша радостью наполняется. Это – начало песни жизни и первый акт в пиесе совершенных людей. Это – лента, связующая тайны прошлого с блеском будущего; звено меж тишиною чувств и веками уснувших глаз. Это – слово, что, сказанное четырьмя губами, возводит сердцу трон, любовь в царицы призывая и венчая короной верности ее. Это – нежное прикосновение пальцев, что сродни ласковому ветру, когда он гладит розы, вызывая вздохи счастья и плачи страсти.

Это – начало удивительных вибраций снов и откровений. Это – слияние двух цветов ароматных и смешенье благовоний во имя создания третьей души.

Первый поцелуй есть первый цветок на древе жизни.

Свидетельские показания грека Филимона

Об Иисусе, учителе врачей

Назаретянин был учителем врачей своего народа. Ни один другой человек не знал столь много о нашем теле, его элементах и пропорциях.

Он делал то, с чем незнакомы были греки и египтяне. Они прозвали его защитником жизни от смерти. И верили ли этому или не верили, его не волновало; ибо только тот, кто вершит великие дела, действительно является великим.

Они говорили, что Иисус наведывался в Индию и страны по ту сторону Двух Рек и там постиг азы науки врачеванья.

Азы сии сделали его равным Богу, а не простому жрецу.

Многие двери были открыты ему. Он вошел в Храм Духа, что есть тело человеческое; и он вновь придал доселе порочному духу небесной силы чистоту, а доброму духу мощь физическую.

К сожалению, у бедняги были противники, обвинявшие в шарлатанстве его, не ведающим наших философов трудов. Он излечивал лихорадку ледяными полотенцами, он оживлял навеки онемевшие конечности простым наложением руки.

Он ведал про ослабевшие соки жизни, но возвращал их пальцами своими – методы сии мне просто неизвестны. Он ведал про здоровое закаливание, но секретами своими не делился никогда с людьми несведущими. Но богом не был, нет, скорей врачом.

И жалости достойно то, что величайший из всех врачевателей их предпочел быть создателем историй базарных площадей.

Свидетельские показания Симона, прозываемого Петром

О том, когда он сам и его брат были призваны

Я находился на побережье озера Галилейского, когда впервые назвал Иисуса моим господином и учителем.

Мой брат Андрей был со мной, мы сеть забрасывали в воду.

Волны были бурны и высоки, и мы поймали мало рыбы. И на сердце у нас легла тяжесть. Неожиданно подле нас предстал Иисус, мы даже не видели, как он к нам приблизился.

Он окликнул нас по именам и сказал: «Если вы хотите следовать за мной, я приведу вас в бухту, что полна рыбой».

И когда взглянул я на лицо его, сеть выпала из рук моих, ибо огонь его доброты обжег меня, и я признал его.

А брат мой Андрей сказал: «Мы знаем все местные бухты на этом побережье, а значит, ведаем прекрасно, что в ветреные дни рыба ищет более уютные места, чем наши сети».

Иисус же ответил: «Следуйте за мной к берегам великого озера. Я сделаю вас рыбаками людей. И ваши сети никогда не останутся пустыми».

И мы побросали ладьи наши и сети, и последовали за ним.

Я сам воображал, бедняга, что стоит брести вслед за ним.

Я шел подле, запыхавшись и исполнившись чуда, и мой брат Андрей последовал за нами, смущенный и изумленный.

И когда брели мы по песку, я набрался храбрости и сказал ему: «Господин, я и брат мой хотели б следовать твоей тропой, и куда б ты ни направился, туда и мы пойдем. Но, пожалуйста, пойдем в наш дом на ночь сию, мы будем благодарны за визит твой. Дом наш не богат и потолок в нем низковат, но место для тебя найдется и скромная еда. Потерпи уж в хибаре нашей, может, еще придется пожить во дворце. И преломи ты хлеба с нами, мы в твоём присутствии почувствуем себя князьями земли сей».

И он ответил: «Да, я буду гостем вашим в ночь эту».

И я возрадовался в сердце моем. И мы пошли в молчании к дому нашему.

И когда мы стояли на пороге, Иисус промолвил: «Мир да пребудет с домом сим, пребудет в нём».

Тут он вошел, мы следовали за ним вослед.

Моя жена и мать жены моей, дочь моя – все вскочили ему навстречу и поклонились низко гостю; колени преклонили перед ним и поцеловали подол одежд его.

Они были изумлены, что он, избранный и столь возлюбленный, пришел к нам в гости; ибо им известно было, что о нем на берегах Иордана пророчествовал Иоанн Креститель пред народом.

И тотчас же моя жена и мать жены моей засуетились, готовя ужин.

Мой брат Андрей был робким человеком, но вера его в Иисуса была намного глубже моей. А дочь моя, коей исполнилось двенадцать лет от роду, встала пред ним и поддерживала край его одежды, как будто не было в ней страха перед ним. Она в него вцепилась, словно пастух в находку драгоценную – пропавшую овцу.

Затем присели на скамью мы, он преломил хлеб и разлил вино; и, повернувшись к нам, сказал: «Друзья мои, благословение мое пребудет с кругом вашим, как если б было то благословение Отца».

Слова сии сказал он, слегка разволновавшись, ибо желал он следовать обычаям древним, чествующим гостя, пришедшего к хозяину.

И когда сидели мы с ним на скамье одной, казалось нам, что попали на пир к великому царю.

Дочь моя Петронела, что молода была и невинна, пристально взирала на лицо его и отслеживала движения рук его. А я же разглядел покров печали в ее глазах.

Когда он со скамьи поднялся, вскочили мы все вслед за ним, столпились вокруг гостя своего. И заговорил он с нами, мы же прислушивались жадно, и сердца наши трепетали подобно птицам в небе. Он говорил о рождении вторичном человека, о разверстых воротах небесных; об ангелов потомках и о мире, о доброй армии человечества и о престоле Господа нашего Бога.

Затем взглянул он в глаза мои и пронзил самое сердце мое. И сказал: «Избрал тебя я и брата твоего, ты должен идти со мною рядом. Займите место подле меня и учитесь, учитесь в сердце моем миру, и душа ваша отыщет великие богатства».

Когда сказал он это, я и брат мой встали подле него, и я сказал: «Учитель, мы хотим следовать за тобой до самого края земли. И если наше время будет тяжелей горы, мы перенесем все тяжести с тобою вместе в радости великой. И если мы падем на обочине пути, мы узнаем, что мы пали по дороге к небесам, и будем счастливы».

А мой брат Андрей приблизился к нам со словами: «Учитель, мы – нить, ведомая твоей рукой и ткачим станком твоим. Мы – ткань, что сделана тобою, мы будем одеянием Духа Великого».

А жена моя подняла лицо и весело произнесла: «Благословенен будь, вошедший в дом наш с именем Бога на устах. Благословенно будь то чрево, что выносило тебя, и грудь, тебя вскормившая молоком».

А дочь моя, что от роду была двенадцати лет, присела у ног его и прильнула близко.

Мать же жены моей, сидевшая у порога, не произнесла ни слова. Только плакала в молчании, и шаль ее была мокра от слез печали.

Тогда Иисус бросился к ней и поднял лицо ее к своему как можно ближе и сказал, к ней обращаясь: «Ты была матерью им всем. Ты плачешь от радости и горя, я ж хочу запечатлеть твою печаль в памяти моей».

Теперь уж старая луна поднялась над горизонтом. А Иисус замер на мгновение, любуясь вечной красотой ее, затем же повернулся к нам: «Уж поздно. Ложитесь спать, и Бог придет во сне к вам. Я буду здесь, в хижине сей мирной. Я бросил мою сеть в волны дня сего и выловил двух мужей; я счастлив и теперь желаю вам всем доброй ночи».

Тут мать моей жены сказала: «Я в самом деле отдохнула сердцем, но не под кровом этим. Теперь же страдать мне без сна, лежа ночью этой под балдахином винограда и звезд».

И она заторопилась, принесла матрасы, подушки и одеяла гостю.

Он улыбнулся ей: «Я лягу в кровати, вдвойне безумный».

Глаза дочери моей за ним следили непрерывно, и я закрыл плотнее дверь в комнату ее.

Так впервые я повстречался с господином и Учителем моим.

С тех пор прошло уж много лет, но до сих пор мне кажется, что было то сегодня.

Говорит Сын Человеческий «Первый взгляд»

Он – времени мгновение, когда опьяненность жизнью пропадает под властью пробуждения. Он – пламя, загорающееся впервые в глубинах сердца, звук волшебный, который в

первый раз рождается серебряными струнами души. Это – краткое мгновение, что дух окутывается событиями времени. Он открывает тайны будущей вечности. Это – семя, что рассыпает Иштар, Любви Богиня, на полях своих любви.

Первый взгляд подобен духу, что летает над ликом вод и небеса с землею создает, когда скажет Господь: «Да будет».

Свидетельские показания первосвященника Каиафы

Поговаривали, что Иисус – человек, поговаривали и о его казни, в основном обсуждая два бросающихся в глаза факта: Тора должна содержаться в сохранности у нас, а это царство должно находиться под покровительством у Рима.

И вот теперь человек сей выказал открытое неповиновение нам и Риму. Он отравил умы простого люда, он колдовал, будучи магом более сильным, чем мы и Цезарь.

Мои собственные рабы, и мужчины, и женщины, слышали его разговоры на площадях базарных, превращаясь в угрюмцев и мятежников. Многие из них оставили мой дом и бежали в пустыню, откуда он пришел со своим голодным стадом учеников.

Не забывайте, что Тора есть основа жизни нашей и башня нашей силы нерушимой. Ни один человек права не имеет подкапываться под нее и нас, ибо мы держим в руках силу сию, и ни один человек не уполномочен будет никогда ниспровергнуть Иерусалим, древний камень Давидовых страданий.

А тот человек, именем Иисус, был грязен и развращен. Мы убили его, желая искупления его грехов и очищения. И мы должны убить всех тех, кто пожелает принизить жизнь Моисея или начнет искать уничтожения святынь наших наследственных.

Мы и Понтий Пилат прознали опасность в том человеке, мудрость его привела его ж к концу бесславному.

Я должен собственными глазами увидеть конец его последователей жалкий, убедиться, что эхо его слов на стену тишины бездарно натолкнется.

Он не был Богом, он был возмутителем спокойствия, поругавшим древнюю мудрость. Он отступился.

Говорит Сын Человеческий «Два отшельника»

На вершине одинокой горы жили два отшельника, поклонявшиеся Богу и любившие друг друга. Дарованы им в дар были все недра земные.

Но однажды Дух Несчастья вступил в сердце старшего отшельника, и подошел тот к младшему своему товарищу и сказал: «Уж давно мы живем здесь вместе. Пришло наше время. Пора нам разделить владенья наши». Тогда младший отшельник опечалился и сказал: «Печалит меня, брат, что ты хочешь покинуть меня. Но если ты решил уйти, то так тому и быть», и он принес все ключи от недр земных и отдал их старшему со словами: «Мы не можем делить их, брат мой, пусть будут они твоими».

Тогда сказал старший из отшельников: «Милостыни я не собираюсь принимать. Пусть я возьму пустяк, но справедливо. Все должно поделить».

А младший вздохнул: «Эта земля будет разбита, неужто ты пожелаешь гибели и себе, и мне? Раз так, я предпочитаю покинуть землю сию. Пусть будет твоей».

Но старший отшельник повторил упрямо: «Я хочу получить по справедливости то, что принадлежит мне, и я не хочу чужого из милости. Земля должна быть поделена».

Тогда младший из отшельников не смог уж более противиться и сказал: «Если ты того действительно желаешь, если так уж восхотелось тебе получить свое, да будет разбит шар наш земной».

Но лицо старшего из отшельников омрачилось чрезвычайно, и он вскричал: «О трус негодный! Ты отступился!».

Свидетельские показания Иоанны, жены Ирода Прислужника

Иисус никогда не был женат, но он всегда оставался другом всех женщин, он знал их так, как можно узнать друг друга только в компании верных товарищей.

И он любил детей, а они любили его в ответ, верили ему и понимали его.

В свете его глаз каждый мог почувствовать себя отцом, братом и сыном.

Он усаживал ребенка на колени и говорил: «Вот они какие, власть твоя и воля; и вот оно какое, царство духа».

Люди видели, что Иисус отказался от жизни Моисея, что был он пророком всепрощенья, что смог простить он блудницу Иерусалимскую и врагов страны.

Я сама в то время была служанкой блуда, ибо любила я человека, что не являлся мужем моим законным. Он был саддукеем.

Однажды саддукеи пришли в дом мой, когда любовник мой был там со мной. Они меня схватили и овладели мной по очереди, среди них и мой любовник, что бросил меня на поруганье равнодушно.

Затем они потащили меня на базарную площадь, где учил в то время Иисус.

Они хотели мною испытать его и заманить в ловушку.

Но Иисус не стал судить меня. Он устыдил всех тех, кто так желал меня унижить, он сумел упрекнуть их.

И он же позволил мне идти путем моим.

И после того, все, что казалось мне безвкусными плодами жизни, сладостью устам моим вдруг показалось, все, что аромата было лишено, дыханьем жизни ворвалось мне в ноздри. Я стала женщиной без памяти порочной, я была свободна, и мое сердце уж не падало от страха больше вниз.

Свидетельские показания Рафки

О свадьбе в Кане

Это случилось еще до того, как узнали о нем в народе.

Я работала в саду моей матери, ухаживала за кустами роз, когда остановился он у наших ворот.

Он обратился ко мне: «Испытываю жажду я. Не дашь ли мне воды из твоего колодца?».

Я бросилась за серебряным кувшином, наполнила его водой, добавила несколько капель жасминовой настойки для вкуса.

Он выпил и поблагодарил сердечно.

Затем взгляделся в глаза мои и сказал: «Мое благословение да пребудет с тобою».

Когда сказал он так, мне показалось, что ветра порыв коснулся мыслью тела моего. Но я недолго пребывала на небесах, а потому сказала: «Господин, я помолвлена с мужчиной из Каны Галилейской. Должна я замуж выйти на пятый день недели будущей. Не хочешь ли на свадьбу ты прийти и благословить мой брак своим присутствием?».

И он ответил: «Я приду, дитя мое».

Запомните, сказал он «дитя мое», хотя и сам был молод, мне ж приближалось двадцать лет.

И двинулся вниз по дороге.

А я стояла у ворот в наш сад, пока не позвала мать меня домой. На пятый день была я отдана в дом жениха и начала готовиться к вступлению в брак.

А Иисус пришел, с ним мать его и брат Иаков.

Они сидели на свадебной скамье с нашими гостями, товарищи моих подружек пели свадебные песнопенья Соломона царя. А Иисус вкушал пищу нашу и пил вино наше. И улыбался мне, да и другие гости не остались без его приветственной улыбки.

Он внимал всем песням о любви, о молодом слуге винодела, влюбленном в дочь хозяина своего, что увез возлюбленную в материнский дом; о князе, что повстречал нищую служанку и короновался с ней короною отца.

Слушал и другие песни он, какие еще и я не слыхивала никогда. На заходе солнца отец жениха моего подошел к матери Иисуса и прошептал ей: «Нет у нас больше вина для гостей наших. А день к концу еще не подошел».

Иисус услышал шепот и сказал: «Кувшины подайте, зная даже, что нет вина в них больше».

Так и поступили.

А присутствовавший на празднике Иисус начал говорить с нами. Он говорил о чудесах земли и неба; о небесных цветах, что расцветали, когда ночь баюкает всю землю; о цветах земных, что распускаются, когда от дня скрываются на небе звезды.

И он поведал нам историй море и притчей океан, голос его очаровал нас так, что мы глядели неотрывно на него, как на виденье дивное, и мы забыли про вино в кувшинах и подносы с едой.

И когда я вслушивалась в голос его, казалось мне, что очутилась я в далеких странах. Далеких и неведомо-незнакомых.

Спустя мгновенья долгие один наш гость сказал отцу жениха моего: «Ты поберег лучшее вино на самый праздника конец. Другого такого хозяина и нет на свете».

И все поверили, что Иисус есть ткач чудес, что они получили вновь вина да хлеба.

Я-то не думала, что Иисус подлил в кувшины опустелые вина, но и словам гостя я не удивилась, ибо в голосе его я уже слышала весть о чуде.

Прошли уж годы, голос его все же остался в сердце у меня, я слышала его, рожая первенца.

И теперь тот день, слова нашего дивного гостя вспоминают в тишине в селе нашем и в деревнях соседних. Люди говорят: «Дух Иисуса из Назарета есть лучшее и самое выдержанное вино».

Говорит Сын Человеческий «Земля»

Своевольна, бедна и упряма, идет земля по земле.

Ибо горда она.

Она созидает дворцы, крепости и храмы.

Она рождает легенды, учения и законы.

В конечном итоге земля от дел земных устанет. И ткет она тогда из воздуха земного фантазии и сны. А потом ложится тяжесть на ресницы земли, и засыпает она – спокойно, глубоко и вечно.

И говорит земля земле: я – чрево и могила, и я останусь чревом и могилой, пока не закатятся звезды и солнце не выгорит в пепел.

Как прекрасна и великолепна ты, о земля! Как совершенны и благородны дары твои, сияя светом, твои дары под солнцем!

Как великолепно твое платье из теней и как нежна вуаль из мглы! Как прекрасны пески твоих рассветов и как пугающи крики твоих ночей! Как совершенна ты, о земля!

Я бегу по твоим равнинам и взбираюсь на горы твои, я брожу по твоим долинам, на скалы взбираюсь и в пещеры и гроты вхожу твои.

Я познаю твои сны на равнинах, высший смысл твой на горах, твой покой в долинах, твою решимость на скалах и твое молчание в гротах и пещерах.

Ты – весела в твоей власти, величественна в твоих глубинах и твоих высотах. Ты – нежна в решимости твоей и открыта в твоём молчании.

Свидетельские показания философа-перса из Дамаска

О древних богах и новых

Я не могу рассказывать о судьбе этого человека, тем более рассказывать нечто, подобное тому, о чем говорят его ученики.

Семена сокрыты в сердце яблока, глазам сада фруктового невидимы они.

Но вот что я скажу: древний бог Израиля груб и безжалостен. Израиль должен получить другого бога; того, что будет нежен и всепрощающ, что пожелает взглянуть вниз на землю с жалостью; того, что нисходит лучами солнца и бродит тропами человеческих недостатков.

Израиль должен принять бога, который сердцем не слышит зависти и память которого к недостаткам человека лаконична; стране сей нужен тот, кто не будет мстить своему стаду и позабудет о мести многим поколениям.

Здесь в Сирии человек кажется человеком. Он вглядывается в зеркало своего собственного Разума и там находит бога своего. Он созидает богов по собственному образу и подобию и поклоняется тому, что отражает его собственный лик.

Воистину человек молится собственному подобию, тому, что соответствует шуму его желаний. Здесь не до глубин души человеческой, душа здесь холодна под обезличенностью, здесь не заговорит с вами другой голос и здесь не долетит до сердца иной шепот.

Мы в Персии видим наши лица в диске солнца, и тела наши танцуют в огне, что зажигаем мы у алтаря.

Теперь богом зовут Иисуса, мол, назван таковым он у своего Отца в пределах небесных. Теперь уж он не бродяга Иисус среди народа своего, он превратился в воплощение их желаний.

Боги египетские часто меняли бремя лика своего каменного и спасались бегством в Нубийскую пустыню, будучи свободными там, где разрастается тишина вольного знания.

Боги Греции и Рима исчезли на закате их собственного солнца. Они тоже куда больше казались людьми в экстазе людей. Из их магии родились Афины и Александрия.

А в этой земле огромное место отдано низости низших и высокомерию молодых отшельников Антиохии.

Только старые женщины и утомленные жизнью мужи ищут храмы своих предков; только истощенные в конце пути ищут начала начал.

Но этот человек, Иисус, этот Назаретянин, он говорил о Боге, таком огромном и непохожем на душу какого-нибудь человека, таком знающем о карах, таком любящем свои создания. И этот Бог Назаретянина оставлял без внимания пороки детей земных, он прямоком занимал все место в их сердцах, и он был благословением их источников и светом их небес.

Но мой бог – бог Зороастра, бог, ставший солнцем на небесах, и огнем в земле, и светом в душе человеческой. И я счастлив. Я никогда не захочу другого бога.

Свидетельские показания Давида, одного из его последователей

Иисус действительный

Я не ведаю смысла его речей или его притчей, он был слишком недолго среди нас. Нет, не понимал я его слов до тех пор, пока глаза мои не увидели все сотворенное его словами. Позвольте ж рассказать мне вот что: в одну из ночей сидел я в доме моем, размышляя о собственном дне и вспоминая о словах его и деяниях, что записывал затем я в книгу. И в сей поздний час три вора вошли в дом мой. И узнав об их приходе, собравшихся мое добро ограбить, я заколебался, взять ли осторожно меч или вскричать: «Что делаете здесь вы?».

Но вместо этого... продолжил записывать мои воспоминанья об Учителе.

И когда воры увидели, что я переписываю слова его: «Тому, кто отбирает ваш плащ, подарите ваш плащ второй», отступили они.

И я все понял.

Когда сидел я, записывая слова его, ни один человек не посмел бы покуситься на имущество мое.

Ибо его мысль охраняла мое добро и меня лично, жизнь мою, что есть величайшее мое сокровище.

Свидетельские показания Луки

О лицемерах

Иисус обличал и презирал лицемеров, и его ярость казалась бурей, что очистит мир от них, его голос был громом в ушах их, и съезжались они от страха.

Опасаясь его, они приутожили ему казнь; и, казалось, кроты в черной земле их деяний подлых подкапывались под его шаги. Но он не попался в их ловушку.

Он сам смеялся над ними, ибо ведал он, что Душа ни высмеяна быть не может, ни попасть в ловушку.

В руках держал он Зеркало, в котором видел бездельников и слабаков, и тех, кто уже шатается, падая на обочине пути к вершинам.

И он жалел их всех. Да, он ведал их слабости, что тянулись побегами надежды к его силе. Он совершенно не осуждал лгунов, или воров, или убийц, но осуждал одних лишь лицемеров, чьи лица скрываются за маской и чьи руки греются в вечно белых перчатках невинности.

Довольно часто я размышляю о сердце, приютившем всех тех, что пришли из напрасных земель к Храму, закрытому и разоренному лицемерами.

Однажды, когда мы оставались вместе с ним в саду гранатовом, сказал ему я: «Учитель, ты прощаешь и утешаешь грешников и всех слабых и немощных, только лицемеров ты не прощаешь».

И он отозвался: «Ты выбрал верные слова, назвав грешниками слабых и немощных. Я прощаю им слабость их телесную и немощь их духовную. Ибо их недостатки заложены в них были предками иль алчной завистью их соседей.

Но я не терплю лицемера как такового по причине того, что сам он накладывает на всех ярмо простодушия и хомут уступчивости.

Слабовольный человек отпустит людей своих в пустыню. А вот лицемер никого не отпустит из рабских уз. Он ведает пути, он высмеивает все сущее своей неискренностью, даже песок и ветер.

По этой причине не выношу я лицемеров».

Я тогда не понял сказанное Учителем нашим. Зато теперь прекрасно понимаю.

Тогда лицемеры страны наложили руки на него, убили его. Деянье их еще дождется справедливой оценки потомков.

Они преломляют хлеб низости в вечной своей пропасти лжи, куда пали, предав его казни.

Он не был Богом, но он никогда не был и лицемером.

Свидетельские показания Матфея

О Нагорной проповеди

В один из дней сбора урожая Иисус позвал нас и других своих друзей в горы. Земля была душиста и казалась дочерью царской на свадебном пиру, она надела все свои украшения. А небо было женихом ее.

Когда взобрались на вершину мы, Иисус замер тихо в роще лавровой, а затем сказал: «Остановимся же здесь, отдыхайте и настраивайте сердца ваши на музыку раздумий, ибо я буду много говорить с вами».

Тут мы расселись на траве, и летние цветы обняли нас, и Иисус сел в нашем кругу.

Иисус заговорил:

«Благословенны спокойные духом.

Благословенны нищие, ибо свободны они.

Благословенны помнящие боль и в боли обретающие радость.

Благословенны голодные искатели истины и красоты, ибо голод их дарует хлеб им, а жажда их студеною водою обернется.

Благословенны добрые, ибо утешением для них станет их доброта.

Благословенны чистые сердцем, ибо с ними Бог.

Благословенны милосердные, ибо милосердие будет даровано и им.

Благословенны мирящиеся, ибо дух их пребудет над битвой и обернется поле боя для них цветущим садом.

Благословенны ищущие, ибо быстроноги они и ветру подобны.

Возрадуйтесь и возвеселитесь душою, ибо вы нашли царство небесное. Певцы древности гонимы были, ибо пели об этом царстве. Вы тоже будете гонимы, и в этом награда вам.

Вы – соль земли сей; соль, что растворится в воде сердца человеческого!

Вы – свет земли сей. Не утратьте сияния, прячась в тени кустарников греха. Ищите свет сей в Граде Господнем.

Не думайте, что я пришел уничтожить низость книжников и фарисеев; ибо дни мои среди вас уж сочтены и слова мои записаны, ведаю я час, в который исполнится иная жизнь и откроются новые пути.

Только плодородное древо можно трясти, дабы обрести пищу.

Не внимая мыслям о завтрашнем дне, бездарно проживешь сегодня».

Так говорил Иисус, но в душе моей протестовало тогда что-то пониманию слов его.

И все-таки решился я заговорить: «Молюсь я за сие мгновение, когда ниспослано мне будет понимание, и язык мой молитвой счастлив. Благослови меня молиться за тебя».

Иисус благословил меня.

Стемнело, и Иисус покинул холм, и все мы следовали за ним. Я молился на ходу и вспоминал все, сказанное им, ибо знал я, что слова, павшие снегом дней, должны выкристаллизоваться в памяти.

Говорит Сын Человеческий «Голоса природы»

Когда поют птицы, призывают они цветы полей и говорят с деревьями. А может, пение их лишь эхо бормотанья ручейка?

Человек со всем его умом понять не в силах, что птицы говорят иль что ручей бормочет, что волны шепчут, медленно и сладострастно лаская берег.

Человек со всем его умом не в силах понять, что дождик говорит, когда целует листья деревьев или стучит по окну.

Он не знает, что способен рассказать цветам крылатый ветер. Но сердце человека в состоянии значенье голосов почувствовать, постичь.

Зачастую вечная правда имеет таинственный язык. Душа и природа беседуют друг с другом, а человек стоит пообочь, смятенный и безязыкий.

Не над сими ль голосами льет слезы человек? И не эти ль слезы есть ставшее Словом свидетельство его всепонимания?

Свидетельские показания Иоанна, сына Зеведея

О разных проявлениях Иисуса

Вы заметили, что кое-кто из нас именует Иисуса Христом, а кое-кто – Словом, другие же именуют его Назаретянином, а третьи – Сыном Человеческим.

Я попытаюсь объяснить суть сих имен в свете открывшегося мне.

Христос – это тот, кто был в старые дни пламенем божьим, жившим в душе человеческой. Он есть дыхание жизни, явленной нам, сам ставший телом наших тел.

Он хотел быть Господином.

И он же есть первое Слово, произнесенное языком нашим и влившееся в наши уши высшим осознанием истины.

И Слово Господа нашего Бога создает дом плоти и костей и воплощается в человека, существующего меж нами.

Ибо мы не смогли бы услышать песню бестелесного, не смогли бы увидеть величайшего из живущих.

Много времени Христос бродил по земле, по странам разным. И всегда он считался странником и безумцем.

Песня его голоса никогда не падала в пустоту, ибо память человека удержала в неволе своем слова сей песни.

Это Христос, сокровенный и величайший. Неужели вы не слыхали о нем на перекрестках дорог Индии? В песках Египта?

И здесь, в ваших землях Северных, ваши барды поют старые песни о Прометее, огненосителе, исполнившем желания людские, высвободившем надежды человеческие из клетки; об Орфее, что пришел, голосом и лирой воспевая дух бессмертный в человеке и звере.

И не ведаете вы о Митре-царе, о Зороастре, пророке персов, что ворвались в древние сны человечества и стоят ныне у изголовья наших мечтаний?

Мы сами обрели человека в Храме Возможного, обрели спустя тысячи лет. Он вошел в молчание башен нашего разума.

Наши уши не всегда слышат, наши глаза не всегда видят.

Иисус Назаретянин родился и рос в наших душах; его мать и отец были и нашими родителями, и был он Человеком.

Но Христос, Слово, что было изначально, дух, что наполнял собою нашу жизнь, вошли в Иисуса и были с ним.

И дух был рукою мудрого Господа, а Иисус был арфой.

Дух был псалмом, и Иисус был башней песнопений.

И Иисус, человек из Назарета, был благословением и миром горным в Христе, что странствовал с нами под солнцем и называл нас своими друзьями.

В те дни холмы Галилеи и ее долины слышали его голос. И я был молод, и ступал под его защитой, и преследовал шаги его.

Я преследовал шаги его и ступал под его защитой, слушал слова о Христе из уст Иисуса Галилейского.

Теперь вы хотите узнать, почему кое-кто из нас именует его Сыном Человеческим.

Он сам желал, чтобы именovali его именем сим, ибо ведал он голод и жажду как человек, и был он человеком, ищущим свою великую душу.

Сын Человеческий был Христом Благословения, пожелавшим быть вместе с нами. Он был Иисусом Назаретянином, нашим братом, и он был Словом, что в начале было у Бога и было Богом.

В моем сердце живет Иисус Галилейский, человек среди людей, поэт, ставший поэтом среди нас, духом, что стучится в наши двери, чтобы смогли пробудиться мы от вечного сна незнания.

Свидетельские показания молодого священнослужителя из Капернаума

Об Иисусе-колдуне

Он был магом, уродом и закоренелым злодеем, колдуном, человеком, что смущает простаков шармом своим и заклинаниями. Он жонглировал словами пророков наших и святошью наших праотцев.

Ах, он даже казнь умолил стать свидетелем, говорящим в его пользу, и безгласная могила стала предвестницей его славы.

Он добился женщин иерусалимских и женщин страны сей благодаря коварству паука, что заманивает в сеть свою наивных мух; и они доверчиво увязли в его липкой паутине.

Ибо женщины слабы и восприимчивы сердцем и следуют они за мужчиной, утишающим буйство их чувств лаской и словами. Его имя многое говорит женщинам, в то время как умрет он в памяти мужской.

Ну и кто же из мужей последовал за ним? Они были стадом, что впряжены в ярмо и несутся в пропасть греха вослед за обезумевшим пастухом. Презренные, не смогли они в опасности спасти своего беззаконного учителя. Он увлек их своим царством миражей, они согласились стать частью его фантазий, как глина поддается под опытной рукою гончара.

Как, вы не знаете, что рабы во снах его всегда обретали учителя; а слабаки превращались в грозных львов?

Галилеянин был фокусником и обманщиком, человеком, предавшим разум, обожавшим тешить слух свой «аллилуйей» и «осанной» из нечистых уст своих соратников, что безропотно подчинялись его голосу и его командам.

Он насмехался над сabbатом.

Я часто говорил, что ненавижу сего человека. Ах, я ненавижу его куда больше римлян, что поработили нашу землю. Когда пришел он из Назарета, город проклял наших пророков, потянувшись к мнимой доброте шарлатана.

Говорит Сын Человеческий «Новое наслаждение»

Прошлой ночью я изобрел новое наслаждение и решил поделиться им для первой пробы с ангелом. Ну а дьявол сам заявился торопливо в дом мой. Они встретились у моего порога и вместе, взявшись под руку, попробовали мое новоизобретенное наслаждение. Один кричал: «То – грех великий!» – а другой: «То – добродетель!».

Свидетельские показания богатого левита, жившего по соседству с Назаретом

Иисус – добрый плотник

Он был отличным плотником. Ворота и двери, созданные им, никогда не откроются пред ворами, а окна, сотворенные его руками, всегда распахнуты навстречу восточным ветрам. Он делал сундуки из кедра, плуги и вилы, трости, чтоб могла найти поддержку усталая рука.

А еще он вырезал аналои для наших синагог, он вырезал их из золотого тутового дерева; и опоры для книг священного писания он вырезал в виде распростертых крыльев, а под опорами мастерил головы быков и голубей и длинноухих ослов.

Дом мой создавался руками многих тридцатилетних. Я разыскал скульпторов и плотников во всех городах Галилеи. Они ведали толк в живописи и архитектуре, и я был рад нанять их.

И вот прибыли они, и поразились тем двум дверям и окнам, что создавал Иисус.

Разве не замечали вы, сколь отличны эти двери от остальных? И эти окна, они распахиваются на восток, разве не отличаются они от других окон?

Все окна и двери в доме моем не выдержали бега лет. И только сделанные его руками перенесли все волнения природы.

Я знаю, что выдает себя сей юноша за пророка, я слышал его, помню слова его и даже верю в слова его.

И вот теперь я заставляю замолкнуть многих людей, говорящих в доме моем и на полях. Ведь слышал я слова того плотника, коему дарованы были золотые руки Бога.

Ий-эх, неужто я пожимал руку Бога?

Свидетельские показания пастуха из Южного Ливана

Это было прошлым летом, когда он и три других мужа брели по дороге вон там. Смеркалось, и он остановился, замерли они на краю пастбища. Я играл тогда на флейте, а мое стадо столпилось подле меня. Когда остановился он, я поднялся и подошел к нему.

Он спросил меня: «Где тут могила Илии? Нет ли ее поблизости от места сего?».

И ответил я ему: «Она здесь, господин, чуть ниже того каменного завала. Каждый день камни сюда таскают, вот, навалили уж целую кучу».

Он поблагодарил меня и двинулся вместе со своими друзьями в указанном направлении. А дня три спустя Ганазиэль, что тоже был пастухом, как и я, сказал мне, что человек, беседовавший со мною, был пророком иудейским.

Но не поверил я ему. Я думал, тот человек был много больше, чем много лун.

Весной Иисус явился вновь, и был в тот раз один.

В день тот я не играл на флейте, ибо потерялась овца из стада моего. Был я радости лишен, а мое сердце несказанно удручено было пропажей.

Я побрел ему навстречу и молча остановился пред ним, ибо желал я утешений.

А он взглянул на меня и сказал: «Ты не играл сегодня на дивной флейте своей. Откуда скорбь в глазах твоих?».

И я ответил: «Овца из стада потерялась. Везде ее искал я, но так и не нашел до сей поры. Уж и не знаю, что мне делать».

Он помолчал мгновение. Затем улыбнулся и промолвил: «Обожди меня недолго, найду я овцу твою». Он ушел, скрылся за холмами. Спустя час вернулся он, держа овцу мою в руках. Когда остановился Иисус подле меня, заметил я, что даже овца смотрит в глаза его столь же заворуженно, как я сам в прошлый раз. Тут я обнял ее в радости великой.

А он положил мне руку на плечо, промолвив: «Со дня сего ты должен любить овцу эту больше всех остальных из стада твоего, ибо была потеряна она и вновь чудесно обретена».

Я опять обнял овцу в радости великой, она пошла за мной покорно, я ж сам брел, притихнув.

Но когда я голову повернул поблагодарить Иисуса, обнаружил, что уже ушел он, и не было во мне желания следовать за ним.

Свидетельские показания Иоанна Крестителя

О чем говорил он, находясь в тюрьме, одному из своих учеников

Я не превращусь в молчание в сей яме неволи, ибо голос Иисуса звучит в сердце поля боя. Я не превращусь в заточенного, ибо он – свободен.

Они рассказывают мне, змеи, собравшиеся вокруг него, что придет вскоре конец ему, но ответственю им я: укус гадючий должен пробудить силы его, и он подавит зло пятой своей.

Я только гром его молнии. Думаю, я первым сказал, что был он Словом и Волей.

Они схватили меня незаконно.

Возможно, они наложат руки и на него. Но не прежде, чем он произнесет свое Слово во всем совершенстве. И он победит.

Его колесницы победят, и копыта его скакунов будут топтать тех змей, и будет он победителем.

Они станут хвататься за копья и мечи, но Иисус одержит над ними верх силой духа своего.

Его кровь прольется в землю, но раны его будут не напрасны, кровью его будут крещены все разумные народы.

Их легионы будут выступать против него со сталью и железом, но захлебнутся на берегах Иордана.

А его источник и его города возвысятся, ибо чудеса его подобны солнцу.

Они говорят, что в сговоре я с ним и что желаньем нашим является побуждение народа к бунту против царства Иудейского.

Им отвечаю я, пламя Слова: если считаете царством выгребную яму, то падете в ловушку уничтожения и смерти. Ступайте путем Содомы и Гоморры, и тогда ваш народ забыт будет Богом, и обратится земля сия пеплом. Жалкие глупцы, стремитесь вы противостоять нагой и босоногой армии Иисуса Назаретянина!

Я сам являюсь капитаном ее, недостойным пыль сдувать с его сандалий.

Ступайте же к нему и передайте слова мои, и именем моим просите его об утешении и благословении.

Мне ж, увы, уже недолго оставаться здесь. Ночь жизни моей уже близка, и вскоре я покину тело. Слышу я зов призывный моей могилы.

Ступайте к Иисусу и скажите, что Иоанн Кедрон, душа которого вновь возвращается в тень смерти, молится за него, тоже находящегося на краю могильного порога.

Свидетельские показания Иосифа Аримафейского

О первоначальных целях Иисуса

Ты пожелал узнать об изначальных целях Иисуса, и с удовольствием я расскажу тебе об этом.

Я могу поведать только то, что мне самому ведомо о нем.

Наш учитель и наш возлюбленный жил в трех временах года всех пророков. Они, сезоны эти, были весной его пения, летом его экстаза, и осенью его страсти; и каждое время года продолжалось по тысяче лет.

Весна его песни была исчерпана в Галилее. Тогда он собирал любовь, тогда-то он заговорил об Отце, о нашем избавлении и свободе нашей.

Тогда звучало ангельское пение в ушах наших и взлетало в небесное царство, в сады желаний его сердца.

Он говорил о полях и о зеленых пастбищах, о склонах Ливии, о мареве долин.

Он говорил о диком шиповнике, что улыбается на солнце, и о плодах его страсти.

И он сказал как-то раз: «Лилии и шиповник живут всего лишь день, но это целый день вечной свободы».

Как-то раз сидели мы все вместе у реки, и он заметил: «И ручей, и листья на деревьях, – все это есть музыка вечная. Вечность подпевает им гласом озера, и пение их сливается в мистерию полдня.

Искать Отца хотите, ищите ручеек, впадающий в озеро».

Затем настало лето его экстаза и июнь его любви среди нас.

Он говорил о том же, но это были слова иного человека – соседа прежнего Иисуса, любителя дорог, бродяги и нашего друга детства.

Он говорил о путешествиях юности по востоку Египта, о пахарях, приходящих домой с волами, ревущими от жажды у ворот.

И он сказал: «Сосед ваш есть ваша непознанная душа. Его лицо отражается в вашей тихой воде.

Прислушайтесь к шепоту ночи, и вы услышите его разговор, и его слова начнут пульсировать в вашем собственном сердце».

А на другой день он сказал: «Не замыкайтесь в собственном одиночестве. Вы существуете в других людях, а они незримо присутствуют во всех ваших днях.

Их дороги – это ваши дороги.

Сегодня я с вами. Завтра я уйду прочь, но, даже отсутствуя, я все равно буду видеть вас, ваших соседей, эту неведомую вам душу».

А затем настала осень его страсти.

И говорил он с нами о свободе, как говорил когда-то в Галилее в весну его песни; но теперь слова его не находили понимания у нас.

Он говорил об уходе, что поет вместе с ветром, и о человеке, что подобен ангелу.

Он говорил: «Вы есть чаша и вы есть вино. Пейте самое себя до доньшка и вспомните меня».

Во время нашего пути к югу он сказал: «Иерусалим, стоящий в преддверии высот, обрушится, как сруб гнилой, и изолированный им от людей один останусь я.

Храм мрачным маревом укутан, никто не узнает лиц своих собратьев, ибо опасность ослепила всех».

И когда добрались мы до Вифании, потребовал он: «Пойдемте в Иерусалим. Город заждался нас. Я хочу говорить со множеством. Я зажгу пламя многих, но в моей казни вы все обретете жизнь новую и свободу. У Иудеи будет свой царь, она обратит в бегство легионы Рима.

Но не я царь Иудейский. Диадема Слова создана для иной головы. И кольцо Соломона тесно для моего пальца.

Но я буду бурей в этом небе и песней в ваших душах.

Я останусь в вашей памяти.

Люди назовут меня Иисусом Помазанником».

Все это говорил он на пути в Иерусалим пред самым въездом в город. И слова его врезались в наши сердца, как будто их выбивал скульптора молоток.

Но был ли Богом он? Он не был Богом и не был он царем Иудейским. Он был тремя временами года пророков.

Свидетельские показания Нафанаила

Иисус не был кротким

Они говорили, что Иисус из Назарета был смиренным и кротким.

Они говорили, что он был справедливым человеком, законопослушным и тому подобное, короче, был слабаком, и часто его сбивали с толку строгость и сила противников; и что если доводилось ему сталкиваться с людьми авторитетными и уважаемыми, он становился подобен агнцу пред рыкающим львом.

Но я говорю, что Иисус пользовался уважением среди людей, он был ведом бедноте и проповедовал на холмах Галилейских и в городах Иудеи и Финикии.

Этот человек нашел в себе силы сказать: «Я живу, а значит, иду путем истины».

Этот кроткий и любящий человек смог заявить: «Я – в Боге, Отце нашем; а наш Бог, Отец всевышний – во мне».

Этот смиренный человек посмел во всеуслышанье вскричать: «Тот, кто не верит в меня, не верит ни в саму жизнь, ни в жизнь вечную!».

Этот нерешительный человек говорил: «Я пришел дать вам не мир, но меч».

Ведь осмелился он, мягкотелый слабак, сказать: «Царство мое выше ваших царств земных».

Он нашел в себе немыслимое мужество повторять все вновь и вновь: «Уничтожьте эти храмы, и я возведу вам новый в три дня».

Да смог ли бы трус пред лицом власть имущих выкрикнуть: «Лжецы, сквернословы, мерзавцы и дегенераты!»?

Смог ли бы трус сказать властителям Иудеи все это? Кроткий и смиренный?

Нет. Орел не создает гнездо свое в ветвях плакучей ивы.

Я испытываю отвращение, слыша, как называют Иисуса смиренным и кротким, справедливо-законопослушным с жестокосердными. Может быть, Иисус и не был Богом, но ничтожным его тоже не назовешь.

Да, мое сердце задыхается от отвращения к таким глупцам, говорящим так. Горний дух не может быть беспечно-кротким и доверчиво-смиренным.

Свидетельские показания Сабы Антиохийской

О Савле из Тарса

В тот день я услышала Савла из Тарса, проповедовавшего Христа среди иудеев города сего. Теперь он звался Павлом, апостолом Кротчайшего.

Я знала его еще в юности, и в те дни он преследовал друзей Назаретянина. Я помню его экстаз страстный, когда товарищи его побивали камнями блестящего юношу по имени Стефан.

Этот Павел – странный человек. Его душу не назовешь душой свободного человека. В нем с давних лет на первом плане присутствует животное начало, он – охотник, обожающий наносить раны своим жертвам.

Он не говорил ни об Иисусе, ни цитировал слова его. Он предсказывал Мессию, о котором говорили старики-праотцы.

А сам он – иудей ученый, он обращался к товарищам своим иудеям по-гречески. Впрочем, греческий его слаб, и Савл неправильно произносил слова.

Но он – человек скрытой силы. Скорей всего, Савл сам об этом пока не догадывался.

Те, кто знал Иисуса и слышал его наставления, говорят, что был он человеком мысли, свободным от сегодняшнего дня бытия.

Но Павел упустил шанс отделиться от людей вечного Сегодня, которое вбито в его имя тяжелым молотом обреченности.

Назаретянин учил нас проживать свой час в страсти и экстазе.

Человек из Тарса не видел нашей жизни за древними книгами.

Иисус даровал дыхание в бездыханной казни. И в моей одинокой ночи я верю и я понимаю.

Когда сидел он на скамье, он рассказывал истории, что заканчивались счастливым праздником, а его веселье искрилось пиршественной пищей и вином.

А Павел предпочитал предписывать нам, когда следует преломлять хлеб и наполнять чаши радости.

Он предлагал страдать, позабыв о любви.

Говорит Сын Человеческий «Мой друг»

Друг мой, я – не тот, кто есть на самом деле. Кажущийся, но одетый в реальность, я ношу узор заботы на одежде, что ограждает меня от допросов и от моей неосторожности. «Я» во мне, друг мой, живет в доме тишины, и здесь останется навечно, непостижимое, недостижимое. Я не хотел бы верить в то, что говорю я, да и не верю я в то, что делаю, – для меня слова – не что иное, как твои мысли в звуках, а мои поступки – отражение твоих собственных надежд в чистом виде. Когда ты говоришь: «С востока ветер задувает», я отвечаю: «Да, точно, не с востока дует он». А все потому, что не хотел бы я знать, что ум мой не поставит точку ни в жизни ветра, ни в жизни океана.

Ты не можешь понять мои океанские надежды, да и я не хотел бы понимать тебя. Я хотел быть всегда одиноким океаном.

Если дни, то с тобой, друг мой, если ночи, то со мной. До сих пор, даже если я и говорил о полдне, что танцует над холмами, и о багряных тенях, что подкрадываются к нему, это был разговор о пути по ту сторону долины; ты не можешь услышать песню моей тьмы, тебе не

увидеть мои крылья, бьющиеся о звезды, – и я теряю сознание от нежелания слышать или видеть. Я хотел бы стать одинокой ночью, остаться один на один с ночью.

Когда ты властвуешь в твоих небесах, а я обрушиваюсь в мой ад, даже когда ты кричишь мне сквозь необузданную бездну: «Мой компаньон, товарищ мой», и я кричу в спину тебе: «Товарищ мой, мой компаньон» – даже тогда я не хотел бы показать тебе мой ад. Пламя тщится обжечь зрение, а чад – набиться в легкие. И я люблю мой ад. Я хочу быть в одиночестве моего ада.

Ты любишь истину и красоту, и закон, и я ради Слова готов любить все это. Но в сердце моем смеюсь я над этой любовью. До сих пор мне не хотелось бы всматриваться в оскал моего смеха, не хотелось бы явить его другим. Я хотел быть одиноким смехом, хотел остаться наедине с моим одиноким смехом.

Друг мой, ты – творение добра, предусмотрительности и мудрости; более того, ты – творенье Превосходства – а я всего лишь тот, кто говорит с мудрыми и предусмотрительными. И до сих пор я был безумен. Но я скрывал мое безумие. Я хотел быть одиноким безумием.

Друг мой, ты – не мой друг, неужели ты этого еще не понял? Моя тропа – не твоя тропа, но пока что мы идем по ней вместе, рука об руку.

Свидетельские показания Саломеи, женщины-подруги

*Ты есть мелодия, что в моих слезах к небесам взлетает, мысль
нежнейшая, которой не постичь мне.
Признание Сына Человеческого*

О неисполненном желании

Он казался тополем, мерцающим на солнце;
Он казался озером меж холмов медовых,
Озером, что нежится на солнце;
Он казался снегом на вершинах гор,
Белеющим, белеющим на солнце.
Да, он казался всем, всем этим,
И я любила его.
Даже боялась его присутствия – так любила.
И ноги мои не несли груз любви моей,
Так что я могла опоясать стопы его руками своими.

Я мечтала сказать ему:
«Я умерла твоим другом в час страсти.
Простишь ли мне мой грех?
И не поблагодаришь ли меня за любовь собою,
В слепоте моей,
В незрячести моей пред твоим светом?».

Я знаю, ты простишь мой танец,
Ибо святое сердце – друг твой верный.
Я знаю, ты увидел во мне
Объект твоего собственного ученья.
Ибо нет тех долин, чтоб утолили твой голод,
нет мостов,
И нет пустынь для тебя».
Да, он был как тополь,
Как озеро меж холмов медовых.

Он казался снегом гор Ливийских.
И хотела б я заморозить губы о синий лед уст его.

Но он был далеко от меня,
И я была устыжена.
А мать моя держала меня за руки,
Когда желание мое его искало.

Когда бы он ни проходил, сердце мое
Болело от его нелюбви,

Но мать моя хмурила брови в презрении к нему
И торопливо гнала меня прочь от окна
В спальных покоях моих.
И недовольно кричала:
«Кто он, тот пожиратель саранчи из пустыни?
Что за насмешник он и ренегат,
Подстрекатель к бунту.
Лиса и шакал земель проклятых,
Проникший в наши залы и желающий воссесть
на нашем троне?
Ступай-ка, спрячь лицо твое от взгляда дня сего».
Вот как говорила мать моя.
Но сердце мое не пристало к словам ее.
Я любила втайне его,
И мои сны были его пламенем опалены.

Он вновь пришел.
И когда-нибудь придет в меня навеки.
Возможно, это была моя юность,
Что не желала оставаться здесь,
С тех пор, как убит был бог юности.

И я танцевала ради головы Крестителя...

Говорит Сын Человеческий «Колдунья»

Вчера еще здесь была женщина, которую любил я, обитала в пространстве умолкшем, отдыхала на сем ложе и пила благородное старое вино из хрустальной чаши.

Но сон сей из далекого Вчера, ибо та женщина, которую так любило мое сердце, перенеслась в иное место и ушла в страну Забвенья и Пустоты. Отпечатки ее пальцев застывшие еще хранит зеркало мое, аромат ее дыхания я чувствую в складках моей одежды, а эхо ее любящего голоса еще отражается в пространстве этом.

Однако женщина, которую любило мое сердце, ушла в чужое место обитанья, что зовется долиной Забвенья и Изгнания.

Рядом с ложем моим висит портрет сей женщины. Письма любви, что писала она мне, храню в серебряной шкатулке я, украшенной кораллами и изумрудами.

Все это останется со мной до завтра, когда ветер понесет сие в Забвение, туда, где царит лишь глухое молчанье.

Женщина, которую люблю я, редкой красоты, как будто создал Бог ее, нежна как голубь, умна как змея, дика как волк, жива как белый лебедь и устрашающа как черная ночь. Она из пригоршни земли и кубка пены морской была когда-то создана. Женщина, любимая душой моей, зовется Жизнью, и она прекрасна. Она завоевывает сердца и утишает обещаниями нашу неутоленную страсть.

Ее одежды – ясный день, украшенный тьмой ночи. Она превращает сердце человеческое в любовника пылкого, но вот о свадьбе слышать не желает.

Жизнь – колдунья,
Что соблазняет нас красой своей, —

Однако тот, кто знает ее трюки,
Избежит ее соблазнов.

Свидетельские показания Рахили, ученицы Иисуса

Об Иисусе видимом и настоящем

Я часто удивлялась тому, что Иисус был человеком из плоти и крови, как и мы с вами, хоть и была это всего лишь видимость.

Часто мне казалось, что он был мечтой мечтающего среди немечтающих мужчин и женщин.

Он и в самом деле был мечтой, одной из многих, мы начали реализовывать ее.

Но и мечтой он не был в то же время. Мы знали его три года и наблюдали за ним широко открытыми глазами.

Мы касались его рук, и мы следовали за ним, бредя с одного места на другое. Мы слушали его проповеди и были очевидцами его деяний. Так неужели ты думаешь, что мы попали в мечту из области грез и сновидений?

Великий всегда наблюдал, только наблюдал за битвами нашей повседневной жизни. Да-да, Иисус из Назарета был самым великим Состязанием, самой Великой Битвой. Отца и мать и братьев этого человека мы прекрасно знали, но он все равно оставался для нас чудом, сотворенным в земле Иудейской. Да, все его чудеса были только составной частью Великого Чуда.

И все реки, и все годы не смоют из нашей памяти его образ.

Он был горой, вздымающейся в ночи, он был нежным румянцем, покрывающим лик холмов. Он был бурей в небесах, и он же был журчанием ручья в тумане рассвета.

Он был ливнем, льющимся с высот на землю, уничтожаемую жаром. И он был детским смехом.

Каждый год я отправляюсь по весне в гости к той долине. Я рассматриваю лилии и цикламены, и каждый год моя душа печалится вместе со мной. И вечно радуюсь я вместе с весной.

Когда Иисус пришел в мое время года, он сам был весной, и в нем воплотились надежды всех прошедших лет. Он наполнил мое сердце радостью. И казалось, расцветаю я фиалкой, раскрываюсь в свете его пришествия.

Нет, Иисус не был ни фантомом, ни выдумкой поэта. Он был человеком радости, но умел радоваться как-то иначе, чем все остальные люди. И с высот его печали он дарил радость всем остальным людям.

Ему являлись видения, какие не дано увидеть нам, и слышались голоса, какие не дано услышать нам. Ему было дано говорить со многими.

И часто оставался Иисус в одиночестве. Он был меж нами, но он не был одним из нас. Иисус был над землей, он был над небесами. И только в нашем одиночестве мы можем войти в землю его одиночества.

Он любил нас нежнейшею любовью. Его сердце было виноградом. Ты и я можем лишь прикоснуться к чаше и отпить того вина.

И все же я не могла понять многого в Иисусе: его забавляли слухи, ходившие среди народа о его деяниях. Он шутил и играл словами, и смеялся от полноты сердца своего, но в глазах его мелькало что-то чужеродное и печалью веяло от голоса его. Только теперь я поняла.

Я часто думаю о земле, как о женщине, тяжелой первенцем. Когда Иисус родился, он был первенцем. Когда ж он умер, он превратился в Первого Умершего Человека.

Ибо вместе с ним в ту мрачную пятницу умерла сама земля.

И не умрем ли мы, коли пропадут из нашей обнаженной памяти черты его лица?
Он не был Богом видимым. Он был Настоящим.

Свидетельские показания Клеопы

О законе и о пророках

Когда Иисус говорил, вся земля прислушивалась к его голосу. Его слова не были начертаны для нашего слуха, скорее всего, обращены они были для элементов, из которых создавал сам Бог землю.

Он говорил об океане, нашей безбрежной матери, породившей нас. Он говорил о горах – наших старших братьях, чьи вершины подают нам надежду.

А еще он говорил об ангелах, кружащих над океаном и горами, коих видеть нам дано только в мечтах.

И много тише пел он песни любви, что пронзали грудь нашей памяти.

Он говорил просто и весело, и песня его голоса казалась прохладной водой, которой жаждала земля.

Вновь и вновь простирали он руки к небесам, и пальцы его казались ветвями смоковницы; и говорил он голосом великим:

«Пророки древности говорили с вами, и слух ваш наполнился словами их. Я же скажу вам только то, что опорожнит уши ваши, подготовив ваш слух для великого».

Слова эти Иисусовы: «Я же скажу вам только...» – не мог произнести ни один человек нашего народа, нашей земли. Вновь и вновь ссылался он на пророков и добавлял: «Я же скажу вам только...»

Что за звезды пронзили темноту души!

Иисус говорил, а эхо его слов разносилось повсюду. Я не забуду ни его слов, ни их эха.

Я не знаю, как закончить сию историю. Нет слов у меня, и за это прошу я прощения. Окончить ее не позволяют мои губы. Так затихает песня любви на ветру.

Свидетельские показания Наамана из Гадара, друга Стефана

О казни Стефана

Его ученики были разогнаны. Иисус даровал им в наследство страдания, которые перенес он сам во время казни своей. За ними охотились, как будто были они оленями, лисами в полях, и колчаны охотников были полны стрелами гнева.

Но когда удавалось поймать их и предать смерти, они радовались, и лица их сияли подобно лицам женихов на свадебном пиру. Ибо он даровал им в наследство радость.

У меня был друг из северных земель по имени Стефан; и поскольку считал он Иисуса Сыном Божиим, был Стефан схвачен на площади базарной и побит камнями. И когда Стефан пал на землю, раскинул он руки, словно бы желая дотянуться до Учителя своего. Руки его казались распростертыми крыльями птицы. И когда последний слабый луч света потух в его глазах, собственным глазам моим открылась улыбка на устах его. Улыбка эта казалась дуновением, что проносится в конце зимы и возвещает приход весны. Как описать ее?!

Я помню то, что сказал Стефан: «Я должен уйти в другие земли, и уже иные люди схватят меня на иной площади базарной, собираясь побить камнями, ибо и им я стану рассказывать о нем».

А еще я запомнил того, что стоял подле казненного, что наблюдал с видимым наслаждением за тем, как били Стефана камнями.

Имя его – Савл из Тарса, он был тем, что натравил на Стефана первосвященников, римлян и толпу, всегда готовую схватиться за камни.

Савл был лыс и ростом невысок. Его плечи были искривлены, а черты лица были отталкивающе некрасивы; не нравился он мне.

Смешно лишь то, что ныне он проповедует Христа в домах верховной знати. Оставаясь по-прежнему слишком жестоким, чтобы полюбили его, чтобы поверили ему...

Мне никак не смолчать о человеке из Тарса. Я должен рассказать, что после казни Стефана он укрощен был и побежден на пути в Дамаск. Вернее, укрощен его разум, а сердцем не стать ему среди верных учеников на равных.

Хотя, возможно, ошибаюсь я. Я часто ошибаюсь.

Свидетельские показания Фомы

О предтечах его сомнений

Мой дедушка, что был законником, однажды сказал: «Да не оставит нас истина».

Когда Иисус призвал меня, я обратил внимание на него, ибо его команды были куда могущественнее, чем моя собственная воля.

Когда он говорил, других качало, словно ветви на ветру, я вслушивался неподвижен. Я любил его.

Три года провел он с нами, рассеянные по миру товарищи пели имя его, очевидцы его бытия разбрелись меж стран.

С того времени зовусь я Фома Сомневающийся. Тень деда моего незримо следует за мной, и всегда я обращал истину манифестом собственного существования.

Я растеребил рукою собственные раны, из них стекала кровь, и я верил в неверии моем.

Теперь человек, любивший всем сердцем, сомневался в уме Его, стал он рабом на галерах, что спит на веслах и грезит о свободе, рабом, рассказывающим плети об Учителе, разбудившем его. Я сам был тем рабом, и я грезил о свободе, но сон о деде моем был всегда со мной. Плоть моя была близка плоти моих собственных грез.

В присутствии Назаретянина я закрывал мои глаза и видел, как сжимают мои руки весла галеры незримой.

Сомнение есть тоже страдание одинокое, ведающее о вере, втором своем брате.

Сомнение есть подкидыш несчастливый и заблудившийся, думающий о том, зачем его собственная мать дала ему родиться.

Ибо сомнения не ведают веры, исцеляющей раны, врачующей их.

Я сомневался в Иисусе, все же сделав его манифестом собственного бытия, и проталкивал упрямо руку в страшные его раны.

Но все равно я верил, и я был свободен от моего Сегодня, от Сегодня моих предтеч.

Казнь во мне похоронила его казнь, казнь царя Иного, который был всего лишь Сыном Человеческим.

Сегодня сказало мне, что должен я уйти и славить имя его среди персов и индусов.

Я должен уйти. Уйти из этого дня.

Был ли он Богом? Я ухожу, сомневаясь.

Говорит Сын Человеческий «Скорлупа и зерна»

Мы, люди, – и вы, и я – позволяем ослепить себя лишь внешним блеском, мы слепы для действительного и истинного, что скрыто в глубине.

Когда споткнется кто-то, скажем мы, что пал он под грузом грехов своих.

Когда колеблется человек, заявим, что он бессилен решение принять. Заикнется, человека немой представим, вздохнет, и тут же думаем мы, мол, при смерти лежит.

И вы, и я – мы позволяем затуманить взор себе скорлупкой «Я», его внешним обликом. Нам не проникнуть к радости души, ибо высокомерием мы окружены и истину, что есть в нас, не приемлем. Я говорю и вам, и самому себе – и может быть, слова мои есть тоже маска, лицо мое скрывающая на самом деле: наши глаза видят лишь дымку, скрывающую Правду, которую воспринять должны мы; и наши уши слышат только шум, что все собой перекрывает, а понимать должны мы сердцем. Должны, но не хотим...

Свидетельские показания верховного безумца – Разума

Иисус-изгнанник

Ты просишь рассказать меня об Иисусе Назаретянине, и уж многое я рассказал, хоть время для повести сей еще не подоспело. Все, что говорю о нем теперь я, есть истина.

Человек магии, лекарь, утонувший во всех страстях.

Он не был гордым сыном Державы, он не был верным гражданином Империи; он презирал и Державу, и Империю.

Он жил свободным и непокорным, как домашняя птица, вдруг воспарившая в небесные высоты, ибо на земле велась отчаянная охота на нее.

Никто не должен был открывать ворота пред ним. Это был закон. Непреложный закон. И по этой причине Назаретянин порвал с законом, он и его бесприютные последователи были в мире сем Ничем.

Был ли он Богом? Не знаю. Но он был Человеком без Маски.

Говорит Сын Человеческий «Как я стал безумным»

Вы спрашиваете меня, как я стал безумным? Это произошло так: однажды, задолго до того как родились многие из богов, я пробудился от глубокого сна и обнаружил, что украдены все мои маски, — я носил их в семи жизнях.

Я бежал без маскировки по улицам, крича: «Воры, воры, проклятые воры!».

Мужчины и женщины смеялись, а некоторые спешили в страхе предо мной спрятаться в домах. И когда я добрался до рыночной площади, молодежь с криками: «Он — сумасшедший!» — полезла на крыши домов. Они уважали меня, сами о том не догадываясь даже.

Первое время солнце целовало мое незащищенное и беззащитное лицо, и душа моя воспалилась от любви жаркой солнца.

Больше я уже не хотел никаких масок. И словно в припадке закричал я во весь голос: «Благословенны, благословенны будьте вы, о воры, укравшие мои маски!».

Так я и стал сумасшедшим.

И обрел я и свободу, и безопасность в безумии моем: свободу одиночества и безопасность от бытия Разума. Того самого Разума, который понимает, что все мы поработены чем-то, что существует в наших душах.

Но позвольте мне не выказывать гордость собственной безопасностью. Ибо даже вор, заключенный в темницу, не может быть застрахован от происков другого вора.

Свидетельские показания Одной из Марий

О его печалях и его радости

Глава его всегда была поднята высоко, и пламя Господа мерцало в его глазах. Он часто грустил, но печаль его была нежнейшим ливнем. Теплым ливнем.

Когда он улыбался своей улыбкой, голод по неизвестному у людей только возрастал. Казалась его улыбка звездным маревом, укутывающим детей мягчайшим одеялом. Казалась его улыбка краюхой хлеба для умирающего от голода человека.

Он был печален, но когда печаль его касалась губ, раздвигались они в улыбке, что казалась золотой вуалью, накрывшей землю. А иногда грустила его улыбка лунным светом.

Он улыбался, и как будто пели его губы на свадебном пиру Жизни.

Он не был Богом. Он был грустью и улыбкой.

Говорит Сын Человеческий «О радости и страдании»

Ваша радость есть ваше страдание без маски. И тот же самый фонтан, в котором ваш смех бурлит, наполненный вашими слезами. Да и как бы могло по-другому быть? Чем глубже страдание погребено в землю вашего бытия, тем больше радости понять способны вы.

Что есть сосуд с вином, как не кувшин, что в печи горшечник обжигает? Что есть флейты звук, улаждающий вашу душу, как не дерева чурбан, изрезанный ножом? В радости взгляните в глубину сердец, и вы найдете, что только то, что заставляет вас страдать, дает вам радость. Когда печальны вы, взгляните в сердце вновь, и вы увидите, как истина о том рыдает, что удовольствие вам доставляет.

Некоторые говорят: «Радость больше, чем страдание». А другие спорят: «Нет, страдание несоизмеримо больше».

Но говорю вам я, они – неразделимы. Они идут рука об руку друг с другом, и если кто-то из них сидит подле вас за столом, то знайте, что другой в кровати вашей спит. Воистину они подобны чашам весов, в одной – страдание ваше, а в другой – вся радость. Только когда пусты сии чаши, равновесие наступает. А надобна ль пустота?

Свидетельские показания Руманоса, поэта-грека

Иисус-поэт

Он был поэтом. Он видел нашими глазами и слышал нашими ушами, и тишина наших слов слетала с его уст.

Его сердце влетало поющей птицей севера и юга. Мое сердце слышит его слова: «Милая маленькая зеленая трава, ты должна быть со мной в царстве моем, вместе с дубами византийскими и кедрами ливанскими».

Он любил весь мир, он казался Иисусу лицами детей.

Он любил гранаты или чашу вина, наполненную добротой.

И он любил миндаль цветущий. Его любовь накрывала золотой вуалью всю землю.

Он ведал озера и небеса. Он говорил о жемчужинах света, о звездах, что усеивают нашу ночь.

Он ведал горы, как никто из нас, и долины, что открывали ему свои живые и мертвые тайны. Пустыни жили в его молчании и сады в его смехе.

Ах, он был поэтом, сердце которого живет в просторах небесных, и его песни пели в наших ушах, и люди в других землях считали их песнями своей молодости.

Я тоже был поэтом когда-то, но когда предстал я перед ним в Вифании, то понял, что такое поэтический дар. Ибо в его голосе звучали раскаты грома, и слезы дождя, и веселье танцующих на ветру слез.

И с тех пор знал я, что моя лира об одной струне всего и что голос мой не вмещает ни всей памяти Сегодняшнего Дня, ни надежд на Завтра, я отложил в сторону мою лиру и замолчал навеки. Но всегда в сумерках я слышал, вслушивался в голос Поэта, повелителя всех поэтов.

Говорит Сын Человеческий «Голос Поэта»

Моя душа – мой друг, что утешает меня в беде и муках жизни. Кто не поможет душе своей, есть человечества всего враг. Жизнь возникает изнутри, не стремясь прорваться во внешний мир.

Я пришел, чтоб Слово стало явно, я стану Словом.

И если смерть мне помешает в том, то за меня все скажет Завтра, ибо это Завтра никогда не оставляет нераскрытых тайн в Книге Вечности.

Я пришел, чтоб в блеске Любви и в свете Красоты стать жизнью. Любовь и красота есть божье отражение. Я здесь живу, и людям не дано меня изгнать из Дома Жизни, ибо знают они, что и в смерти жить я буду. И когда глаза мои они исклют, услышу мелодию и песню красоты я. И когда меня лишат они слуха, я буду упиваться лаской ветра, что смешан с ладаном любви и ароматом красоты. И меня сбросив в Абсолютную Пустоту, просчитаются они, ибо жить я буду с душой моею вместе, она ж – дитя Любви и Красоты.

Я пришел сюда, чтоб жить за всех и со всеми, и все то, что делаю я сегодня в одиночестве моем, Завтрашний День понесет всем людям.

И то, что сегодня говорит лишь мое сердце, Завтра произнесут сердца великого множества людей.

Свидетельские показания Левита, последователя

О том, кто сбивал с толку Иисуса

Как-то раз подошел он к моему дому, и моя душа заторопилась ему навстречу. Он заговорил со мной: «Вставай, Левит, и следуй за мной».

И я следую за ним с того самого дня.

А на следующий день я умолил его войти в дом мой и быть моим гостем. И он, и его друзья преступили порог мой и благословили меня и жену мою с детьми. И были у меня иные гости. Содержатели дворов постоянных, люди ученые. Но в сердце своем были они против него.

И когда сидели мы на скамьях, один из содержателей домов постоянных спросил Иисуса: «Верно ли, что ты и ученики твои порвали с законом и зажигаете огонь в дни саббата?».

И ответил ему Иисус: «Да, мы зажигаем огонь в дни саббата. Мы воспламеняем дни саббата, как и все остальные дни».

А другой содержатель постоянного двора сказал: «Пить вино вместе с тобой дело для нас нечистое».

И Иисус отвечал: «Ах, как же мы все стремимся к комфорту в отношениях с Богом!».

Третий содержатель постоянного двора спросил: «Правда ли то, что грозил ты гибелью Иерусалиму?».

Лицо Иисуса напоминало мне каменистые высоты Ливана.

И сказал он: «Верно сие. Помните ли вы Вавилон? Вавилон не смог изжить своих блудниц; и Вавилон пал во прах и не смогли уж более глаза его лицемеров видеть свет дня».

А я закрыл глаза и увидел виденье: семерых женщин в одеждах белых, что окружили Иисуса. Их руки были скрещены на груди, а головы опущены долу. И я вгляделся в туман моих грез и разглядел лицо одной из семи женщин, и осветило оно мою мглу.

Это было лицо гибели, что поселилась в Иерусалиме.

Тут я открыл глаза и взглянул на Иисуса, и он улыбнулся мне в ответ, мне и другим, кто не покинул еще к тому времени скамью.

И вновь закрыл глаза я и увидел в свете ярком семь мужей в одеждах белых, окруживших его со всех сторон. И вгляделся в лицо одного из них.

Это было лицо вора, распятого потом по правую руку от него.

Чуть позже Иисус и его товарищи покинули мой дом во имя пути.

Был ли он Богом?

Не ведаю. Но если и был, то это значит, что богов тоже распинают.

Говорит Сын Человеческий «Семь Я»

В самый тихий час ночи, когда прикидывался я спящим, мои семь «Я» сидели вместе и шепотом переговаривались друг с другом.

Первое «Я» сказала: «Здесь, в безумце этом, я живу все годы, живу с Ничто, но возобновляю его страдания во днях и возрождаю все его печали в ночи. Я не могу и далее терпеть мой рок, и вынуждено я взбунтоваться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.